

Сергей

Тармашев

КАЖДОМУ СВОЁ Д

Каждому своё

Сергей Тармашев

Каждому своё 4

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тармашев С. С.

Каждому своё 4 / С. С. Тармашев — «Издательство АСТ»,
2019 — (Каждому своё)

ISBN 978-5-17-108429-5

В 2111 году мир сгорел в огне Великой Катастрофы. На планете воцарилась ядерная зима, яростные ветра метут облака черного снега по засыпанным радиоактивным крошечным пустошам, а температура на поверхности опускается уже ниже минус пятидесяти градусов. Немногие уцелевшие укрылись в подземных убежищах, но запасы не вечны, биофермы работают на износ, и для выживания обитателям бункера «Подземстрой-1» нужны топливо и продовольствие. Но находящиеся по соседству склады Росрезерва захвачены конкурентами по борьбе за выживание, а значит, бойцам Экспедиционного корпуса во главе с капитаном Порфирьевым нужно найти какой-то способ отбить жизненно необходимый склад, пока холод, радиация и загадочные боевые роботы не перебили всех.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108429-5

© Тармашев С. С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

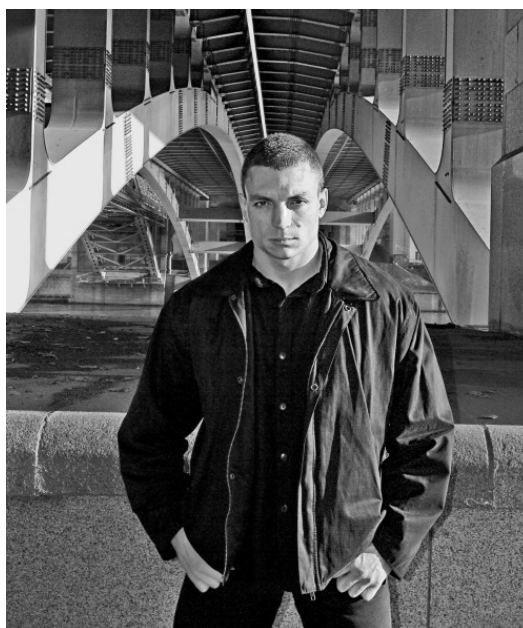
КАЖДОМУ СВОЁ 4

Сергей Тармашев
Каждому своё 4

Фотография автора – *Татьяна Либерман*

Художник – *Николай Ковалёв*

Сто десятый день после всемирной катастрофы, радиоактивные пустоши, 500 километров от «Подземстроя-1», 01.50, время московское.

Повисший за иллюминатором пылевой мрак был практически непроницаем, и Антон едва улавливал где-то впереди слабый мутный отсвет ходовых прожекторов. Колонна больше часа ползает кругами по бесконечной пустоши из черного снега в поисках входа в бункер, из которого в свое время выползла военная хунта Брилёва. До стандартного начала интоксикации оставалось сорок минут, и с каждым пройденным километром тревога в душе Овеч-

кина становилась все сильнее. Радиоактивная свалка, погребенная под метровым слоем зольного снега, четыре месяца назад являлась окраинами Звездного Городка, по которому было нанесено несколько мощных ядерных ударов. Здесь каждый сантиметр пространства пронизан смертельной радиацией в прямом смысле этого понятия, и с каждой неделей ее уровень растет, потому что ураганы приносят еще больше радиоактивной пыли из того, что раньше было Москвой.

Встроенный в ставший ненавистным устаревший скафандр МЧС счетчик Гейгера показывал уровень радиации в восемьсот рентген в час, и это внутри вездехода, имеющего антирадиационную защиту! Что творится за бортом, Антон мог только гадать, потому что едва колонна останавливалась для проверки местности и военные выходили наружу, фон мгновенно зашкаливал, и показания дозиметра застывали на леденящей душу отметке в девятьсот девяносто девять рентген в час. Овечкин не винил того, кто проектировал скафандр, за трехзначность дисплея счетчика Гейгера. Тот человек явно не был военным и потому даже представить не мог, что кто-то может оказаться в условиях зашкаливающей радиации в столь слабой защите, совершенно не предназначенной для этого. Но самому Антону от этого не легче. Пока люк вездехода открыт, ему приходится облучаться, и пропавшее после лечения першение в легких вновь дало о себе знать. Сухой полусудорожный кашель вернулся, и, хотя нападал он пока еще редко, Овечкин вновь испытывал вполне обоснованный страх за собственное здоровье.

А тут еще эти idiotские поиски уничтоженного бункера! За прошедший час колонна останавливалась трижды, каждый раз Порфирьев вместе с солдатами выходил наружу, и они несколько минут копались в черном снегу, исчезая в нем по пояс и на каждом шагу спотыкаясь в погребенных под ним обугленных обломках. Обнаружить вход в бункер не удавалось, и колонна двигалась дальше, до следующей остановки. Не приходилось сомневаться, что поиски военными ведутся по большей части наугад. Но это их совершенно не смущает. Антирадиационная защита у военных гораздо лучше, но в таких реалиях это все равно не спасет, и безмозглость пренебрежение войсками собственной безопасностью лишний раз доказывает правоту Антона: все военные полностью деревянные. Особенно мозг. Он не спорит – солярка «Центру» нужна, ее наличие серьезно облегчит решение вопросов наземного строительства, но не любой же ценой! Мертвым не нужны ни внешние ангары, ни внутренние биофермы!

Колонна вновь остановилась, и в заполненном помехами эфире зашипел капитанский рык:

– Десанту к машине! Моя подгруппа ищет левее десять! Хам, ты работаешь правее пять! Ищем десять минут и по машинам!

Облаченные в экзоскелеты военные распахнули люк и полезли наружу, неуклюже переступая через лежащего на полу пленного. Тот до сих пор не пришел в сознание, и Антон серьезно опасался, что пленный сделает это после того, как всех скрутит интоксикацией. Если все произойдет именно так, то враг может воспользоваться беспомощностью страдающих людей и убить кого-нибудь или даже всех, если ему удастся развязаться. Спрашивается, чем думал Порфирьев, когда вкалывал пленному столь сильный транквилизатор, даже не поинтересовавшись наличием антидота от него? Ответ прост: ничем! Нацик-мизантроп не обременял себя столь далеко идущими перспективами. Зачем? Главное, что он может использовать свое физическое превосходство над кем-то прямо здесь и сейчас, а остальное неважно. Наверняка и поиски уничтоженного бункера буратины в погонах ведут по точно такому же принципу: они могут копошиться в радиоактивной грязи прямо сейчас, так почему бы нет? А что будет потом – потом и будем разбираться.

Особенно раздражало то, что эта безмозглость оказалась заразной. Грузчики-добровольцы, являющиеся гражданскими людьми, должны, по идее, иметь больше мозгов по определению. Но и они верили в абсолютную непогрешимость парочки Порфирьев – Снегирёва, пребывая в полнейшей убежденности, что если Варяг решил копать в ледяной

радиоактивной грязи, значит, это априори безошибочно, а от остального их излечит Снежная Королева. Они оба-де знают, что делают, и с ними не пропадешь. Овечкин тяжело вздохнул. Если одна интоксикация, проведенная в мучениях посреди заблеванной спецпалатки, ничему людей не научила, то это их проблемы. Но это не значит, что он, инженер-механик, редчайший специалист, должен страдать вместе со всем безмозглым стадом! Он должен любой ценой перестать ходить в экспедиции, пока все не завершилось гибелью! Но из-за этих идиотских ФСБ-шников, захвативших склады, все усложнилось еще сильнее!

А тут еще эта дурацкая солярка! Если вход в уничтоженный бункер удастся найти, можно лишь гадать, чем все это обернется. Воякам наверняка захочется послать внутрь Овечкина, и он запросто может не вернуться оттуда живым! Кто знает, что творится внутри брилёвского логова сейчас? В любом случае ничего хорошего. Бункер был уничтожен ядерным ударом, глупо ожидать, что условия в том, что от него осталось, будут выгодно отличаться от условий в любом другом эпицентре термоядерного взрыва. Остается надеяться, что Порфирьев не сможет отыскать вход, раз не нашел его сразу. Мегамозги Миронова утверждали, что фиксировали маршрут от КП-дублера до «Подземстроя-1», но, судя по текущим реалиям, какие-то ошибки ими все-таки были допущены, раз асоциальный брутал до сих пор не смог разыскать бункер.

Это радовало Антона вдвойне: во-первых, не придется лезть в очаг смертельной опасности. Во-вторых, супер-пупер-вундеркинды Миронова все-таки облажались. Они, конечно, будут это отрицать, приведут надуманные, зато эффектные отговорки, но он-то знает, как все обстоит на самом деле! Овечкин скосил глаза на хронометр. Сорок минут до интоксикации. Это последняя попытка поиска. Еще пара минут, и военные вернутся ни с чем. После этого времени останется лишь на то, чтобы найти место для базы подальше отсюда и развернуть спецпалатку.

– Хам, что у тебя? – рычание Порфирьева было едва слышно в густых помехах, видимо, асоциальный капитан увлекся поисками и отошел довольно далеко от вездехода.

– Ничего! – Ответ лейтенанта прозвучал столь же невнятно, и Антон понял, что проблема не в расстоянии, а в увеличившемся уровне и без того запредельной радиации. Слишком высокая ионизация местности затрудняет радиосвязь.

– Сворачиваемся! – приказал Порфирьев. – Пора искать место для базы. Всем к машине! Лейтенант подтвердил прием, и Антон невольно расслабился. Хотя бы с этим повезло.

– Опять не нашли, – негромко произнес кто-то из грузчиков опечаленным тоном. – Хреново. Нам нужна эта солярка, особенно сейчас, когда вероятный противник занял склады с продовольствием.

– Какая между этим связь? – Овечкин с трудом скрыл иронию.

– Имея солярку, мы могли бы реанимировать БМП, которые стоят возле Центра, и выбить ФСБ-шников из Росрезерва, – объяснил тот. – Я слышал, как военные обсуждали это между собой.

– Вы уверены? – Антон опешил. – Насколько я знаю, у тех боевых машин нет снарядов. Они бесполезны. Тем более что противник имеет Лазерную Самоходную Установку. Это очень мощное оружие, если они используют ее против БМП, у последних нет шансов!

– Знаю, – подтвердил грузчик. – Но, насколько я понял, военные не собирались вступать в бой без снарядов. Они планируют выманить ЛСУ в пустоши, противник ведь не в курсе, что нашим БМП нечем стрелять. Пока ЛСУ будет преследовать БМП, мы сможем напасть на склады и отбить их.

– Хорошая идея, – одобрил кто-то еще. – Контролируя запасы продовольствия, мы можем диктовать условия. А ЛСУ можно заманить в волчью яму, например. Когда она будет возвращаться! Радиосвязь у них пропадет быстро, они даже не узнают, что мы захватили склады!

Добровольцы принялись обсуждать план военных, и похолодевший Овечкин с трудом перевел дух. Так вот оно что! Вояки собираются использовать БМП! Значит, от поисков уни-

чтоженного бункера с соляжкой они не откажутся в любом случае, и экспедиция в эпицентр подземного ядерного взрыва неминуема. И пошлют туда конечно же его, Антона Овечкина! От осознания нависшей смертельной угрозы невольно сперло дыхание, это немедленно отозвалось приступом першения в легких, и Антон закашлялся. Неужели Порфирьев вместе с остальными вояками планирует искать уничтоженный бункер на следующем цикле антирада, вместо того чтобы возвращаться в Центр? Наверняка так и есть! Смысл возвращаться туда с пустыми руками! Теперь, когда Росрезерв захвачен ФСБ-шниками, с точки зрения вояк, иного способа разрешить конфликт, кроме кровопролития, не осталось! И он, Овечкин, рискует погибнуть в поисках этой идиотской соляжки!

Громкий крик в ближнем эфире прорвался через пелену помех, заставляя вздрогнуть всех сидящих внутри вездехода. В эфире зазвучали плохо различимые голоса военных, и грузчики испуганно приникли к иллюминаторам.

– Что случилось? – Антон едва сдерживал охватывающую его панику. – Что вы видите? Там роботы?

Он в ужасе понял, что в случае нападения роботов-убийц он, сидя в своем углу, сможет выбраться из вездехода только самым последним, и рванулся к выходу:

– Нужно покинуть вездеход, они будут осматривать технику в поисках людей!

– Команды покидать машину не было... – неуверенно заявил ближайший к нему доброволец, не двигаясь с места и тем самым не позволяя пройти дальше. – Мы должны ждать указаний от Варяга или Хама...

– А если они уже мертвы?! – воскликнул Овечкин, но рычание Порфирьева в эфире заставило его умолкнуть.

– Роботы просили передать, что убьют Овечкина в другой раз! – злобно протрещал помехами капитан. – Кто там ближе к Овену, сообщите ему и проследите, чтобы не ломился наружу. Потому что искать его у нас не будет времени, тридцать пять минут до интоксикации!

– Мы слышали крик! – поспешил оправдаться Антон, недовольно скользя взглядом по ухмыляющимся грузчикам. – Это мог быть сигнал об опасности!

– Это был сигнал о том, что Хам нашел вход в КП-дублер, – прорычал Порфирьев. – Хам, ты там как, живой?

В ответ раздалось шипение помех, в котором Овечкин не смог разобрать ни слова. Но, похоже, Порфирьев находился гораздо ближе к лейтенанту и слышал его достаточно хорошо, потому что в эфире начался интенсивный радиообмен между военными. Из которого Антон понял, что Хам провалился в какой-то заснеженный пролом, который и оказался входом в искомый бункер. Благодаря штурмовому комплекту лейтенант не пострадал, отделавшись легким испугом, и теперь военные не то пытаются вытащить его оттуда, не то собрались спускаться к нему сами. Вскоре в иллюминаторах появились световые пятна приближающихся из пыльной тьмы фонарей, и водительская дверь вездехода неожиданно распахнулась.

– Внимание водителям! – расплывающийся в полумраке здоровенный силуэт капитана плюхнулся на сиденье. – Колонне начать движение малым ходом! Делай, как я! Сближаемся с проломом и заякориваем технику рядом! Базу будем разбивать внутри!

– Здесь же запредельный радиационный фон! – опешил Овечкин.

– Под землей он ниже, – прорычал Варяг. – И ураганов нет. Овен, на тебе заякоривание! Бери грузчиков и занимайся! И чтобы не так, как в прошлый раз! Если растяжку опять сорвет, сам побежишь спасать технику!

Чтобы не оказаться каким-нибудь очистителем биотуалета, Антон предпочел стерпеть оскорбление молча. Можно подумать, он специально закрепил якорь так, чтобы его вырвало ураганом! Откуда ему знать, насколько прочен тот или иной засыпанный радиоактивным мусором обломок в сравнении с силой стихии?! Тот якорь вообще не он закреплял! А у базы, если

что, тоже растяжку оборвало! Базу вообще-то военные ставили! Они тоже облажались, но об этом асоциальный брутальщик предпочел не вспоминать!

Колонна проползла с десяток метров, и все полезли наружу. Радиационный фон вновь зашкалил, и Антон невольно сжался. Привычные три девятки дозиметра сейчас горели воистину зловеще. Сколько здесь на самом деле? Две тысячи? Три? Четыре? Нет, так много быть не может, Порфирьев бы уже умер, его спецназовский фотохромный комбинезон такую радиацию не удержит. Но в любом случае его снаряжение надежнее старого скафандра МЧС, поэтому капитан-мизантроп может спокойно разгуливать там, где Антон будет подвергаться смертельной опасности!

– Пролом освещен ходовым прожектором вездехода! – сообщил в эфире Порфирьев. – Всем быть внимательными, в световое пятно без команды не заходить! Там высоко, без экзокорсета падать будет больно!

Двое солдат схватили ящик с базой и потащили его к зияющему в свете прожектора свежему провалу в черном снегу, вокруг которого возились остальные военные. Вездеход уже сдул воздушную подушку и улегся на снег, и они крепили к нему трос, видимо, по нему планировалось спускаться в разлом. Антон, бережно прижимая к груди руку с поломанными пальцами, поспешил руководить закреплением техники. Чем быстрее он сделает это, тем быстрее спустится вниз. Раз там меньше радиации, то он не против такого решения. Лишь бы ничего не обрушилось им на головы, когда все будут там, под землей.

Передвигаться по окружающей пролом местности оказалось еще тяжелее, чем обычно. Обломки разможенного ядерной мясорубкой леса залегали под снежной толщей беспорядочным месивом, и если бы не черная землисто-зольная смесь, по привычке именуемая снегом, ходить здесь было бы вообще невозможно. Снег забил пустоты, которых в свалке обломков было полно, и глубоких провалов удалось избежать. Но под метровым слоем снега ничего не увидишь, и ноги постоянно запинались обо что-то, застревали между обломков или соскальзывали с неровной поверхности заледеневшего обугленного хлама. Люди медленно брели по поясу в черной снежной толще, с трудом пробивая дорогу, и часто падали, исчезая из вида в крошечной тьме.

Через двадцать минут была закреплена только половина растяжек, и Антон едва переставлял ноги от усталости. Сломанные пальцы сильно замерзли и невыносимо ныли, отдаваясь болью на каждое движение, а тут еще один из грузчиков в момент очередного падения вывихнул ногу и едва не потерялся в темноте, утонув в черном снегу лицом вниз. Порфирьев отыскал его по сигналу аварийного маячка, оттащил к пролому и спустил вниз, привязав к тросу, словно мешок с тряпьем. После этого капитан-мизантроп также униженно спустил вниз Овечкина, пожаловавшегося на переохлаждение и боль в сломанных пальцах.

Внизу Антона подхватили солдаты, освободили от троса и отправили в только что установленную спецпалатку. Сами они полезли наверх, помогать закорючить технику, и Овечкин поковылял к базе, освещая царящий вокруг крошечный мрак наплывным фонарем. Больше всего окружающее пространство походило на подземный паркинг, только пустой и небольшой. Помещение было бетонным, с несколькими опорными колоннами, сильно засыпанное снегом и густо покрытое трещинами зловещих размеров. Пролом оказался в самом центре помещения, но как оно не сложилось целиком, для Антона было загадкой.

Судя по тому, что он видит, для полного обрушения не хватило нагрузки в какую-нибудь пару-другую тонн. Не приходилось сомневаться, что до сих пор потолок не рухнул исключительно благодаря образовавшейся на поверхности свалке. Обломки настолько плотно сцепились друг с другом, что не просто лежат на потрескавшейся крыше, но еще и частично удерживают друг друга. Не будь этого, тут все давно уже рухнуло бы под тяжестью снега и всего, что под ним находится. Хорошо хоть Порфирьеву хватило ума остановить колонну рядом с про-

ломом так, что техника не оказалась стоящей на крыше. Лишь бы очередной буран не засыпал открывшийся пролом снегом целиком, похоронив здесь всех заживо.

А это не исключено, потому что черного снега вокруг полно. Значит, поначалу его сюда задувало, потом давлением ветра пролом заткнуло какими-то обломками, поверх которых насыпало снега, и образовалась естественная пробка. Когда на нее наступил лейтенант в штурмовом комплекте, она не выдержала его веса и рухнула вниз. Без помощи извне человеку отсюда, скорее всего, не выбраться, даже несмотря на довольно большую гору битого бетона, громоздящуюся под проломом. Ее высота метра два, а потолки пятиметровые. Можно попытаться допрыгнуть, но удастся ли ухватиться за что-то надежное, чтобы выбраться? Порфирьев, похоже, планировал выбираться по тросу, который привязан к стоящему на поверхности вездеходу. Это вариант. Если, конечно, технику наверху не сорвет бураном. Впрочем, если сорвет, то без техники экспедицию ждет неминуемая смерть хоть здесь, хоть на поверхности.

Оглядевшись, Антон обнаружил штатный выход на поверхность. Массивные ворота были распахнуты, видимо, через них и выбиралась наверх хунта Брилёва. В настоящее время вход был забит обломками, обильно пересыпанными черным снегом, и без тяжелой техники использовать его невозможно. Зато непосредственно вход в уничтоженный бункер на вид не пострадал. С первого взгляда Антон принял его за тупик в конце помещения, но при более тщательном осмотре это оказалось объемной лифтовой платформой, лишенной стен и потолка. Двери, которые должны были закрывать лифт, оказались взломаны, распахнуты и застопорены, наверняка это результаты деятельности спасавшейся военной хунты. Заходить внутрь, на лифтовую платформу, Антон не собирался, не хватало еще рухнуть вместе с ней с высоты в полтора километра. С минуту он осматривал лифт с безопасного расстояния, после чего поспешил внутрь базы.

Спецпалатка была развернута посередине между лифтом и проломом, и несколько удерживающих базу растяжек были забиты прямо в нагромождение рухнувших сверху обломков. Остальные растяжки были наспех закреплены за что попало и не вызвали никакого доверия, но ураганов тут не будет, так что надежность установки базы Антон счел достаточной. Внутри спецпалатки обнаружился лейтенант, запускающий фильтровентиляционную установку, и пленный, неподвижно лежащий в углу без сознания. Овечкин поспешил к только что включенной печке и поинтересовался, опасно ли кивая Хаму на захваченного ФСБ-шника:

– Этот человек не нападет на нас во время интоксикации? Кто-нибудь знает, когда он очнется?

– Спецукол для взятия «языка» вырубает часа на три-четыре вроде... – лейтенант покопался на пленного. – Я не разведчик, тонкостей не помню. По идее, он должен очнуться до того, как Варяга скрючит. Но это неважно. Привяжем его к экзоскелету, даже пошевелиться не сможет. А там Варяг оклемается и разберется по ситуации.

– В связанном состоянии он не погибнет во время интоксикации? – усомнился Антон. – Он может, например, захлебнуться рвотными массами!

– Положим на бок, – отмахнулся лейтенант, не отвлекаясь от возни с фильтровентиляционной установкой. – Шлем с него снимем... Черт! Корпус блока фильтров повело от удара! По нему прилетело бортом грузовика на прошлой стоянке, когда он чуть палатку не снес! Надо выправить, а то не запусится! Антон, поддержи, а я надавлю!

Лейтенант извлек бобину фильтрационного блока и уложил на пол. Пока Овечкин удерживал неудобную искривленную конструкцию в лежащем положении, Хам при помощи усилителей конечностей наскоро выровнял заматые направляющие и вновь попытался вставить блок на место. Раздался характерный щелчок, и лейтенант довольным тоном констатировал:

– Во! Другое дело! Сейчас заработает! Врубаю!

Фильтровентиляционная установка запустилась, и Антон вслушался в знакомый гул. На слух все работает как положено, даже воет не так сильно, потому что фильтр вычистили перед

экспедицией, и забиться радиоактивной пылью он еще не успел. На следующей стоянке к фильтровентиляционной установке уже будет лучше близко не подходить. Блок фильтров закрыт усиленной антирадиационной защитой, но все равно фонит, когда сильно забит.

За гулом системы фильтрации Овечкин не сразу услышал посторонний шум, и резкое движение лейтенанта, развернувшегося в сторону входа, заставило его испуганно отпрянуть. Хам рванулся к пленному, на ходу выхватывая пистолет, и Антон бросился за контейнер из-под спецпалатки.

– Лежать! – Лейтенант сходу сшиб вскакивающего на ноги пленного.

Облаченный в противорадиационный скафандр человек не смог удержать таран закованного в штурмовой комплект бойца и отлетел в сторону, врезаясь в освинцованную резину палаточного борта. Двухсоткилограммовая палатка слабо дрогнула, но скафандр уберег пленного от получения существенного урона, и он немедленно попытался вскочить вновь.

– Лежать, я сказал! – Хам ударом ноги опрокинул его навзничь.

Пленный пытался сопротивляться даже лежа на полу, и насколько Антон мог понять, делал это довольно профессионально, но противостоять лейтенанту не сумел. Хам, судя по действиям, был обучен не хуже, что неудивительно, раз он из охраны секретного правительственного города. Но главное его преимущество было в наличии усилителей конечностей, это Овечкин понял сразу, и никакие рукопашные изыски тут не помогут. Дайте Антону штурмовой комплект, и при наличии минимальной практики его использования он тоже без проблем обуздаст любого буйного индивида. Но пленный, как и положено военному, задумываться над очевидным не планировал, и продолжал тщетное сопротивление. И успокоился лишь после того, как Хам очередным приемом обездвижил его и вдавил ему в бедро пистолетный ствол.

– Еще раз дернешься – прострелю ногу! – Лейтенант щелкнул то ли курком, то ли предохранителем, этого Антон не понял, да и не важно. – Лицом вниз! Руки за голову! А теперь замер и лежишь!

Пленный подчинился, и Хам отшагнул от него, держа на прицеле.

– Варяг – Хаму! – вышел в эфир лейтенант. – Пленный очнулся! Попытался сбежать!

– Сбежать? – ответ Порфирьева прозвучал без помех, и спустя секунду входной полог распахнулся, впуская внутрь спецпалатки здоровенный расплывчатый силуэт. – Когда у тебя начинается интоксикация, боец?

– Через двадцать минут, – хрипло буркнул пленный.

– И куда же ты собрался? – лениво удивился Порфирьев, проходя мимо.

– Это ты меня принял? – вместо ответа поинтересовался тот, поворачивая голову в сторону капитана и пытаясь нащупать взглядом сливающийся с полумраком фотохромный комбинезон.

– Я, – безразлично подтвердил асоциальный брутал. – Нечего спать на посту.

Пленник промолчал, и Порфирьев принялся открывать баллон с питьевой водой. В палатку один за другим входили измученные грузчики, следом появились солдаты в штурмовых комплектах, и Хам убрал пистолет.

– Как ты развязался? – Лейтенант направился к пленному, по пути подбирая валяющиеся на полу путы. – Веревка разрезана!

– У него режущая кромка нанесена на запястье скафандра, – Порфирьев распахнул лицевой щиток боевого шлема и принялся пить.

– Черт! – ругнулся Хам, склоняясь над пленным. – И точно! ФСБ-шная модификация! Это я облажался, не заметил! Надо было стальным тросиком связывать! – Он обернулся к капитану: – Стальные тросы остались в машинах... Может, локти ему связать?

Амбал, не отрываясь от баллона с водой и не глядя на пленного, лишь коротко кивнул, и лейтенант принялся связывать пленного заново.

– Можете не связывать, – угрюмо заявил пленный. – Не убегу! Я не знаю, где мы, и меня через двадцать минут скрутит!

– Остальных скрутит через пять, – мстительно парировал Хам, орудуя грязной разломаченной веревкой. – Что же тогда дергался с самого начала?! Лежал бы тихо! Нам сюрпризы не нужны!

Но пленный не обратил на его слова внимания. Он вновь повернул голову, всматриваясь в закупоривающего баллон Порфирьева, и спросил:

– Ты Порфирьев Олег Олегович? Радиопозывной «Варяг»?

– Нет, – невозмутимо ответил капитан-мизантроп. – Понятия не имею, кто это.

– Я смотрел, как ты стал чемпионом в две тысячи сто восьмом, – пленный прокашлялся, избавляясь от хрипоты. – У меня там друг соревновался, привозил записи поглядеть. Сам он вылетел в одной восьмой, не прошел Абрека. Зато ты круто его в финале сделал. У него не было шансов.

– Шансы есть всегда, – Порфирьев флегматично пожал плечами и еще раз кивнул вопросительно глядящему на него лейтенанту: – Связывай! Потом развяжу, когда его интоксикацией скрючит.

Пленный умолк, и Антон поспешил к санузелу, чтобы успеть прежде, чем образуется очередь, но опоздал. Возле ширмы уже стояли двое солдат и не приходилось сомневаться, что все остальные влезут в очередь вперед Овечкина. Потому что у него интоксикация начинается позже. Пришлось терпеть и сначала пропустить вперед всех представителей военной хунты, а потом еще и половину грузчиков, потому что им до интоксикации оставалось еще меньше. От боли в мочевом пузыре Овечкин с трудом сдерживал негодование. Вот только грузчиков ему не хватало! Осталось пропустить вперед себя пленного, он ведь тоже силовик, хоть и не военный! Спасибо, что у пленного интоксикация начинается позже всех, не то именно так бы и было!

Тем более что он оказался знаком с Порфирьевым. По крайней мере, в одностороннем порядке. Это что, некая ирония судьбы?! Все выжившие силовики должны обязательно знать, кто такой Порфирьев? Он что, такая выдающаяся личность в среде дуболомов? Видимо, так и есть, потому что в интеллектуальной среде все хэдлайнеры были Антону хорошо известны, и никто из нынешней грязи, пролезшей в князи на волне насилия и кровавого беззакония, к ним никогда не относился!

Наконец очередь в санузел все-таки дошла до Овечкина, и ему стало легче. Раздражение начало стихать, потом интоксикация начала косить людей одного за другим, и стало не до того. Порфирьев, как обычно, таскал его за собой от одного корчащегося в рвотных судорогах человека к другому, и пока амбал оттаскивал бьющихся в конвульсиях людей друг от друга и снимал гермошлемы с тех, кто не успел этого сделать, Антон собирал разбросанное по палатке снаряжение. Потом его самого скрутило приступом острой тошнотной рези, и мир в очередной раз утонул в пучине бесконечной мучительной боли.

Очнулся он от ощущения нестерпимой жажды в полной уверенности, что адаптация к антираду покинула его, и на этот раз жесточайшие мучения терзали его часов двенадцать. Как он не сошел с ума от боли, понять было невозможно, не иначе еще одна злая ирония судьбы... Но хронометр скафандра показывал шесть утра сто одиннадцатых суток, и это означало, что адаптация действовала, и страдал он три с половиной часа, как и должно быть. Антон пошевелился, пытаясь подняться, и к жжению жажды присоединилась боль в поломанных пальцах. Он слабо вскрикнул, запоздало переставая налегать на травмированную руку, и понял, что гермошлем уже надет на голову. Судя по неприятному ощущению в шее, Порфирьев ставил ему укрепляющую капельницу от Снегирёвой. Но от першения в легких она не спасала, и Овечкин сухо закашлялся.

– Оклемался? – рычание амбала раздалось откуда-то из противоположного угла, и Антон заметил расплывчатый силуэт возле корчащегося в муках пленного. – Аккуратнее с рукой, надо

переналожить шину, ты сильно бился в конвульсиях, даже перчатку сбросил. Пришлось наспех натягивать. Засыпь химию для обеззараживания в четыре баллона, я потом сам их встряхну.

– Почему так больно... – Антон, стелая, побрел к приготовленным баллонам с водой. – У меня же адаптация... должно быть легче...

– Тебе и легче, – прорычал Порфирьев. – Раньше тебя ломало гораздо сильнее.

– Ощущения такие, словно наоборот, – пожаловался Овечкин, пытаясь одной рукой отвинтить крышку у баллона с водой. – Пить хочется ужасно... есть готовая вода?

– Только во флягах, – капитан указал на сложенную возле печки стопку армейских фляг. – Старайся экономить, воды мало, мы рассчитывали, что в обратный путь возьмем воду в Росрезерве, поэтому остался только НЗ.

– Разве нам не хватит? – насторожился Антон, подозревая недоброе. – Мы ведь возвращаемся в Центр, да? Росрезерв захвачен врагами, бункер Брилёва мы нашли, нужно возвращаться назад!

– Посмотрим, – Порфирьев принялся протирать мокрой тряпичей лицо судорожно дышащего пленного. – Будет зависеть от того, что он расскажет.

– Но что это может изменить? – тяжелые предчувствия охватывали Овечкина еще сильнее. Порфирьев же не собирается начать войну или спускаться в уничтоженный бункер, ведь так? – Нас мало, воды не хватает, а их много и у них Лазерная Установка! Мы сделали все, что в наших силах, Олег! Надо возвращаться в Центр и там принимать взвешенное решение в спокойной обстановке!

– Посмотрим, – уклончиво повторил асоциальный бруталь, и это испугало Антона не на шутку. – До следующего цикла антирада почти двадцать часов, времени хватает.

Больше Порфирьев ничего не говорил, лишь молча возился со страдающими людьми. Вызывать его на разговор Овечкин не стал, боль в поломанных пальцах и нарастающее першение в легких пугали и утомляли одновременно. Он засыпал в баллоны с водой химические препараты и поковылял в свой угол. Потом Порфирьев начал менять ему повязку и переналоживать шину, это оказалось больно настолько, что Антон едва не выл от мучений, упрасивая его вколоть какое-нибудь обезболивающее. Но капитан-мизантроп лишь заявлял, что сразу после интоксикации лучше обойтись без фармакологических препаратов, потому что биохимия организма и так нарушена, плюс вода с химическими реагентами, как бы не стало хуже, поэтому придется потерпеть.

Скорее всего, асоциальному брутально просто доставляло удовольствие мучить Антона, но выхода не было и приходилось страдать и терпеть. Потом, когда экспедиция вернется в Центр, он обязательно выяснит этот вопрос у Снегирёвой. И попросит ее освободить его от экспедиций хотя бы на время лечения руки. Сильно это его не спасет, биорегенерация полностью излечивает мелкие переломы за несколько сеансов, через две недели он будет здоров, но хотя бы так! Если военная хунта бросится воевать с ФСБ-шниками немедленно, у него есть шанс не попасть в эту мясорубку по состоянию здоровья!

К тому времени, когда Порфирьев закончил с повязкой, Антон взмок от перенапряжения и воспринял окончание перевязки как благодать божью. Едва капитан-мизантроп оставил его в покое, изможденная психика Овечкина мгновенно провалилась в сон.

* * *

Проснулся Антон от запаха разогретых мясных консервов и вызванного им голода. Оказалось, что он проспал больше двенадцати часов, за это время интоксикация закончилась у всех, включая пленного, люди проснулись, и Порфирьев приказал провести прием пищи.

– Антон, держи! – Хам по традиции протянул Овечкину обеденную порцию самому первому. – Ты как себя чувствуешь? Сегодня ты спал очень долго.

– В легких першит все сильнее, – пожаловался Антон, – и поломанные пальцы ноют.

Для большей наглядности он забрал протянутую пищу одной рукой подчеркнуто неуклюже. Пусть все видят, что здоровью Инженера угрожает опасность. Может, хоть тогда у кого-нибудь из вооруженных буратин в деревянной голове возникнет мысль, что пора бы прекратить рисковать уникальным специалистом.

– Ничего, вернемся домой, док поставит тебя на ноги, – успокоил его лейтенант.

Иного от вояки Антон услышать и не ожидал, поэтому лишь кивнул в ответ и принялся за еду. Остальные последовали его примеру, и Хам выдал пищу пленному. Тот сидел отдельно от всех на видном месте, там же, куда Порфирьев оттащил его во время интоксикации, и выглядел совсем не бодро. Было нетрудно заметить, что интоксикация дается ему тяжело, значит, никакой адаптации к антираду у него нет. Более того, если не принимать во внимание армейский противорадиационный скафандр, вид у пленного был удручающий: рыжая неуклюже подстриженная всклокоченная борода и такая же шевелюра отдавали сальным блеском давно немых волос, на лице размазанные пятна грязи, карие глаза смотрели замученно-угрюмым взглядом, из-за чего казались почти черными. Пленный тихо пробурчал «спасибо», взял консервы и принялся есть.

– Что мы планируем делать теперь? – кто-то из грузчиков задал интересующий всех вопрос. – Командный Пункт Брилёва найден, на склады не попасть...

Все вопросительно посмотрели на Порфирьева, и тот, покосившись на пленного, флегматично прорычал:

– По поводу складов мы после обеда побеседуем с нашим гостем. А насчет КП... по уму стоило бы спуститься внутрь, раз уж мы здесь, и посмотреть, может, там уцелело что-нибудь полезное.

– Это опасно! – немедленно заявил Антон, заранее готовившийся к подобному повороту событий. – Лифтовая шахта наверняка повреждена постоянными землетрясениями! Она может рухнуть вместе с нами с высоты в полтора километра!

Все мгновенно насторожились, даже военные, и вновь перевели взгляды на амбала. Но тот лишь безразлично пожал плечами:

– Для начала запустим лифт вхолостую. Затащим на платформу несколько обломков потяжелее, пусть спустится и поднимется без нас, а мы посмотрим. Если ничего не рухнет, то следующим рейсом спустим вниз досмотровую подгруппу.

– Там, внизу, эпицентр термоядерного взрыва! – не сдавался Антон. – Там смертельно опасно! У нас даже нет необходимой защиты! Мы в скафандрах МЧС, они не рассчитаны на такое! И твоё снаряжение, Олег, тоже не предназначено для противодействия радиации такой силы, ты же знаешь! Недаром команда Брилёва поспешила убраться оттуда как можно скорее!

– Если бы эпицентр был прямо там, никто из отряда Брилёва бы не выжил, – лениво парировал Порфирьев. – Возвращаться сюда все равно придется. Нужно хотя бы выяснить, с чем придется столкнуться. Даже просто замерить радиационный фон и степень химического отравления уже будет огромным подспорьем. Будем знать, к чему готовить следующую экспедицию. Проведем короткую разведку силами тех, кто в нормальных скафандрах, это не займет много времени.

– А если что-то пойдет не так и они застрянут на глубине в полтора километра? – уточнил Антон. – Я осмотрел помещение, в котором мы находимся, здесь нет никаких механизмов, только пульт управления лифтом. Вся механика находится внизу, так что если лифт сломается или застрянет, мы ничем не сможем им помочь!

– Значит, Инженер и техники будут в составе досмотровой группы, – Порфирьеву было плевать на разумные доводы. – Они не полезут в КП и останутся возле лифта заниматься подъемными механизмами.

– Но лифт может застрять вместе со всеми где-нибудь посередине шахты! – Слова капитана привели Антона в ужас. – Что тогда?!

– Тогда ты прыгнешь вниз и все починишь, – асоциальный брутал не скрывал иронии. – А мы потом за тобой спустимся. Заканчивай ныть раньше времени. Тебя послушать, так проще сразу умереть, сложа лапки на груди. Ты у нас Инженер, вот и думай, как сделать! А как не сделать – тут генераторов идей и без тебя хватает. Весь Центр забит бесполезными дармоедами. Поэтому они там, а мы здесь. – К иронии в его голосе добавилась насмешка: – Ты выживать планируешь или как?

Естественно, все вокруг уставились на Антона укоризненными взглядами, еще бы! Порфирьев же сказал, что все будет хорошо, значит, вопрос решен! Он же у нас супермен и запросто способен заставить двигаться застрявший лифт силой собственного самонимия!

– Я лишь описываю варианты! – Антон поспешил оправдаться в глазах безмозглой общестственности. – Мы должны четко понимать, на что идем! Если с нами что-нибудь случится, то из Центра нам на помощь никто не придет! Они даже не смогут нас найти, раз дали неточные координаты входа в собственный бункер! Мы искали его больше часа!

– Координаты они дали точные, – невозмутимо возразил Порфирьев. – Это у меня карта привязана к местности с погрешностью. Я при тебе ее привязывал, на глаз, по трем точкам: метро «Смоленская», Национальный Центр Управления обороной и бомбоубежище, в котором все прикинулись вакуумом. В первом случае контрольная точка была стопроцентно верной, в третьем погрешность составляла несколько метров, а во втором – несколько десятков метров. До Росрезерва мы дошли уверенно, там было недалеко, а вот на удалении в пятьсот километров от Москвы до «Подземстроя» эта погрешность дала немаленькое отклонение. У группы Миронова карта была привязана точнее, они с самого начала имели идеальные координаты двух точек и очень точные координаты третьей. Поэтому моя карта совпадает с их картой не полностью.

– Так почему же мы тогда не используем их карту? – Антон задал более чем резонный вопрос. – Если она точнее?

– Почему же, – Порфирьев был по-прежнему невозмутим, – все пользуются их картой, включая фиксирующие путь системы нашего транспорта. Моя карта есть только у меня, и я иду по ней, когда веду вездеход.

– Но к чему такие сложности? – не отступал Антон. Раз мегамозги Миронова вновь оказались непогрешимыми, то он хотя бы развенчает миф о непогрешимости Порфирьева. – Почему ты используешь неточную карту?

– Мне так удобнее, – без обиняков заявил капитан-мизантроп. – Потому что у меня маршрут от Росрезерва до Центра был проложен еще до того, как мы его нашли. И, если ты помнишь, после того он был дважды уточнен еще до того, как нас туда впустили. И после этого, в последующих экспедициях, обычно я вел головную машину. Чем больше скорость, тем меньше времени на поверхности и больше шансов выжить. Но при этом больше шансов врезаться во что-нибудь в этой пыли и темноте. Поэтому я иду по своему курсу, который уже много раз уточнен и проложен в обход пробок, а также торчащих в черной ночи из-под черного снега черных препятствий.

– Но ты мог бы переложить его на общую карту! – Антон демонстративно непонимающе нахмурил брови. – Для Инженеров это не сложно! Дай им данные! Они совместят твою карту с правильной!

– Зачем? – Порфирьев передразнил Овечкина, копируя демонстративно непонимающее нахмуривание бровей. – К чему такие сложности, если во всех наших машинах загружена их карта и гирокомпас фиксирует маршрут в реальном времени? Я иду по своему курсу по своей карте, она выведена у меня на лицевой щиток, так удобнее действовать в экстренной ситуации, и менять что-либо смысла нет, только зря увеличивать риск. А бортовое оборудование

записывает маршрут на правильные карты. Весь маршрут этой экспедиции уже зафиксирован во всех трех машинах. Любой, кто умеет водить без автопилота, сможет добраться до Центра. Разве что не так быстро, как я, но это дело опыта. Так что все карты уже уточнены, и не надо вскрывать сложное и дорогостоящее спецоборудование.

Он красноречиво постучал пальцем себе по шлему, и все засмеялись, понимая намек. Пришлось смеяться вместе со всеми, чтобы не оказаться всеобщим врагом еще и для грузчиков. Пусть этот фан-клуб Порфирьева делает, что хочет, лишь бы не угробили его, Овечкина, прежде, чем он найдет способ навсегда отделаться от этих суицидальных экспедиций! Но раз уж всего одна интоксикация ничему не научила этих болванов, то Антон считает своим долгом обратить их внимание на лежащий на поверхности факт.

– Все, что ты сказал, вполне логично, не спору, – на всякий случай подстраховался Овечкин. – Но я имел в виду другое: из-за несоответствия карт вам пришлось несколько раз выходить из машин и искать вход в условиях смертельно опасной радиации. Если бы ты вел нас по правильной карте, этого можно было бы избежать, разве нет?

– Искать все равно бы пришлось, – покачал головой амбал. – Карта Миронова не идеальна, она точнее моей, но погрешность у нее есть. Без единой системы геопозиционирования и без компасов это неизбежно. Мы добрались сюда по их координатам, я тут никогда не был. Но засыпанную битым лесом и снегом дыру в земле просто так глазами не увидишь. Мы час кружили по узкому пятаку и копошились в снегу в поисках выхода, а в результате нашли не то место, где они выбрались, а дыру в потолке, потому что в нее провалился Хам. Но если ты считаешь, что справишься с поисками лучше, то я не против: в следующий раз поисками будешь заниматься сам.

– Я такого не говорил! – поспешил заявить Овечкин, мгновенно приходя в ужас. Мизантроп в погонах хочет расквитаться с ним за конструктивную критику путем отправки Антона на смерть! Если кроме Овечкина демократия здесь никому не нужна, то к дьяволу ее! Умирать за свободу слова Антон не собирается. Он вообще не собирается умирать, он должен выжить, он не для того вынес столько страданий, чтобы погибнуть уже после того, как появились все шансы жить! – Просто выразил мнение, и все! Я услышал твою позицию и нахожу ее логичной! Делай так, как считаешь нужным, у меня нет опыта работ в условиях ядерной зимы, я Инженер, а не спасатель!

– У спасателей такого опыта тоже нет, – хмыкнул пожарный Александр, не скрывая ухмылки. – Ядерной зимы раньше не было. Так что, если подумать, у тебя в этом опыта больше, чем у любого довоенного спасателя.

– Не спору! – Антон изо всех сил подавил панику. Они все заодно, стоило бы учесть это, прежде чем ввязываться в дискуссию! Обычно в таких случаях порфирьевские безропотные блондины молчали, но сейчас каждый понимает, что сюда придется возвращаться, и потому ищет способы избежать направления на работы в эпицентре ядерного взрыва! А лучший способ сделать это – отправить вместо себя кого-нибудь другого! Например, того, кто только что оспорил компетентность их незабвенного лидера!

– В общем, все поняли, что я хотел сказать. – Овечкин поспешил перевести разговор в другое русло. – Лучше Олега никто не может делать это! Он имеет командную подготовку! У Инженера другие задачи! Мое дело – высокотехнологичная техника!

– Значит, с лифтом ты точно справишься, – невозмутимо заявил Порфирьев. – Ничего высокотехнологичного в нем нет. Раз люди Миронова справились, то и ты сможешь. Ты ведь сам говорил, что ничем не хуже?

– Я имел в виду оборудование связи! – Овечкин внутренне ужаснулся. Они уже все решили! Его неминуемо отправят вниз, в эпицентр! – Да, устройство лифта гораздо проще, но с одной рукой я мало что могу!

– Не переживай, тебе помогут гайки крутить. Твоя задача показывать, какие именно! – Порфирьев всем своим видом продемонстрировал, что разговор окончен, и продолжилковырять ложкой в консервной банке.

– Я могу помочь с лифтом, – неожиданно подал голос пленный. – Я инженер-механик. Имею опыт работы с подъемными механизмами.

Все, не сговариваясь, обернулись в его сторону, и Порфирьев скептически заявил:

– И что ты делал в окопе, инженер-механик?

– Охранял вход, – потупился тот.

– Ах ты еще и вход охранял! – восхитился асоциальный брутал. – Сидя в углу спиной к направлению вероятного появления противника? Если ты инженер, так же, как охраняешь, то мы точно разобьемся на хрен!

– Я не полевой боец, – хмуро заявил пленный, – я вообще гражданский ВУЗ заканчивал... После универа долго работу не мог найти. Я миксфайтом увлекался, юниорские чемпионаты выигрывал... После одной победы знакомые предложили в ФСБ послужить, за контуру на соревнованиях выступать. Я согласился. Позже меня перевели по специальности, инженером в эвакуационный бункер. Я в мастерских обычно работаю или с механикой вожусь.

– Зачем тогда тебя на ворота поставили? – продолжал издеваться мизантроп.

– У нас одна база на всех, – голос пленного стал еще более унылым. – Поэтому все распределены по сменам, которые несут круглосуточное дежурство. Чтобы места в палатке было больше, когда у очередной смены интоксикация начинается. Иначе давка такая, что людей прямо друг на друга приступом ломает. Штурмовые комплекты заранее снимаем, чтобы не поубивать друг друга. У нас так семь человек погибло в самый первый переход.

– Одна база на целый бункер? – удивился Порфирьев. – В ФСБ такие нормы?

– По нормам было три, – пленный скривился. – Две сгорели во время пожара.

– По вам ударили противобункерным? – предположил Хам.

– Били вроде не по нам, – пленный неопределенно поморщился. – А может, просто не попали. Но трясло сильно. Бункер старый, еще в двадцатом веке строился, глубина всего шестьдесят метров. Поначалу он предназначался для высшего командного состава КГБ, потом ФСБ. Но лет сто назад устарел окончательно, и его переделали в эвакуационное убежище для офицеров ФСБ и их семей. Секретное оборудование вывезли, отремонтировали гидроизоляцию, заменили старые узлы вроде гермодверей и переборок, закрывавшихся вручную, установили новые системы жизнеобеспечения. С тех пор иногда проводили мелкий ремонт и меняли морально устаревавшую технику. Ничего суперсекретного у нас не было, и задачи самые простые: в случае войны разместить тех, кто к нам приписан, то есть слушателей и персонал нового сателлита академии ФСБ. По поверхности она от нас далеко, но мы соединены с ней веткой спецметро, состав идет по ней напрямик всего три минуты.

Пленный на секунду умолк, вспоминая минувшие события, и его взгляд стал вялым и удрученным, словно он смотрел куда-то в пустоту, в которой не рассчитывал увидеть ничего хорошего.

– Когда террористы на Шельфе взорвали ядерный фугас, – продолжил он, – бункер перевели на военное положение. Всех вызвали на службу, начались усиленные круглосуточные дежурства и до особого указания покидать бункер было запрещено. Никто тогда не верил в то, что ядерная война возможна, все были недовольны тем, что уик-энд безнадежно испорчен, а те, кого отозвали из отпуска, вообще тихо матерились. У моего начальника из-за этого даже семейный конфликт случился, первое сентября на носу, дочка в первый класс идет, а отец на службу уехал непонятно на сколько, да еще будучи в отпуске. Он говорил, что жена ему не поверила и подозревает, что он укатил с любовницей на море.

Рассказчик тяжело вздохнул и совсем тихо произнес:

– Кто же знал, что мир сгорит через пару суток... – Его голос зазвучал громче, но взгляд так и остался смотреть в пустоту: – В первый день мы, как обычно в таких случаях, проверяли системы жизнеобеспечения, инспектировали хранилища, отправляли начальству ворох всевозможных отчетов. А оно, в свою очередь, составляло из них кучу разных докладов и отправляло дальше наверх. Потом, тоже как обычно, все отчитались, и все успокоилось. Личный состав сидел в бункере с кислыми лицами и ждал, когда политическая возня с Шельфом утихнет и нам дадут отбой. Некоторым самым хитрым даже удалось по-тихому договориться с начальством и негласно свалить со службы, чтобы на выходных позаниматься сбором детей в школу. Мой начальник тоже свалил в субботу утром, оставив меня за старшего в инженерном отделе. Я тогда ему позавидовал...

Он вяло усмехнулся, и усмешка медленно сползла с его лица, глядящего в никуда:

– Даже когда пришло сообщение об обмене ядерными ударами между флотами на Шельфе, никто не ожидал апокалипсиса. Комендант бункера бросился обзванивать всех, кто отпросился, опасаясь, что нагрянет проверка. Старожилы говорили, что, когда произошел ядерный конфликт между Индией и Пакистаном, бункер месяц держали на военном положении и проверяющие появлялись через день...

Кто-то даже успел вернуться на службу, но не все. Начальнику моему не повезло. Через несколько минут выяснилось, что ядерными ударами накрыло Пекин и почти все столицы союзников, и они ответили. Почти сразу натовцы произвели массированные пуски, союзники ударили всем, что есть, потом подключились мы... По крайней мере, потом так говорили. Как было на самом деле, у нас вряд ли кто-то знает наверняка. Командование объявило эвакуацию, и эвакуационные команды помчались по адресам. Где-то там почти все они и остались, в пробках и давках. Вовремя эвакуировали только приписанный к нам сателлит академии ФСБ. Но все произошло двадцать девятого августа, занятий в это время еще не проводилось, к тому же была суббота, в академии было минимум народа. Нам привезли около сотни курсантов вместе с дежурными офицерами и часть батальона обеспечения, всего человек двести. Потом пришла первая волна ракет.

Пленный болезненно поморщился, распахнул лицевой щиток и потер глаза. Его чумакая рука осторожно касалась закрытых век, и стали заметны следы от ожога. Ожог не был свежим, но явно произошел не так давно, потому что сгоревшая часть бровей только начала отрастать и сильно уступала в размерах неповрежденной.

– Я сидел за рабочим пультом главного инженера и видел, как все начиналось. У нас было видео с нескольких десятков камер, расположенных в окрестных кварталах, и доступ к камерам на нескольких высотках. Некоторые из них были последнего поколения и перегорели не сразу. Было видно, что ПВО перехватило первую волну почти полностью. Небо на подступах к Москве сверкало, словно во время далекого салюта, я даже видел несколько перехватчиков...

На моих глазах по городу ударило дважды, оба раза далеко от нас. Из установленных на высотках камер световую вспышку пережила примерно половина, а вот взрывную волну только две. И они показывали, как воздушный таран разносит город вдребезги... Разрешение там хорошее, было видно, как текущий по улицам людской поток сметает с земли вместе с застывшими в бесконечной пробке машинами, и все это вбивает в стены разлетающихся домов... Потом все захлестнуло пылью, а когда она осела, камер на высотках уже не существовало. Две уцелевшие размещались на стенах домов, выходящих в переулки, и показывали картину сильного разрушения. Где-то разгорался пожар, всюду обломки всего подряд, искореженные перевернутые машины... и трупы. Много трупов. Я не сразу понял, что это. Тела были сильно испачканы и поломаны, многие обожжены до состояния головешек, почти у всех не хватало рук или ног... Но вскоре выяснилось, что погибли не все. Кто-то выползал из разбитых домов, видимо, плохо соображали от облучения, другие, наоборот, появлялись откуда-то с улицы и

стремились укрыться в полуразрушенных зданиях. Наверное, люди надеялись, что на этом все закончится...

Почти все эвакуационные команды не отвечали на вызовы, и стало ясно, что они не вернутся. Спаслись успели только три группы, им повезло спуститься в спецметро до ударов. Мы доложили командованию о потере связи с эвакуационными командами и о том, что бункер заполнен на пятьдесят процентов. К нам начали эвакуировать персонал спецметро и всех подряд, кого еще было можно. Потом пришла вторая волна ракет, и я видел, как на горизонте десятки ослепительных вспышек сменяются ядерными грибами. В какой-то момент взорвалось прямо над камерами, экраны засветило и изображение пропало. Больше я ничего не видел.

Бункер принимал людей еще минут двадцать, потом сообщили, что метро частично обрушилось, и все, кто мог до нас добраться, уже здесь. Телеметрия, расположенная у входа на поверхности, частично не отвечала на запросы, частично сообщала об обрушении и завале. Мы закрыли подземный вход, но продолжали следить за тоннелем спецметро, вдруг кто-нибудь появится... Больше никто не пришел. Зато пришла третья волна, и я думал, что нам конец. Бункер трясло постоянно, системы каждые пять минут переходили в аварийный режим, автоматика фиксировала смещение почвы, врубала сигналы тревоги и выключала оборудование, основное освещение вырубилось и включилось аварийное, тоннель спецметро сложился, словно бумажный, выходящую в него стальную стену с входным люком повело, сам люк деформировало и заклинило намертво. Впрочем, это уже ничего не значило, тоннель завалило, выходить некуда.

Сутки мы жили, как на иголках, потом оказалось, что это была ерунда. Может, ПВО перестало существовать где-то в это время, а может, просто противник перенес огонь на наш район, точно уже никто не скажет... Но трести стало так, словно мы не под землей на глубине шестьдесят метров, а на верхнем этаже небоскреба высотой шестьдесят метров, и у нас землетрясение в десять баллов, или сколько там максимум... Там, где стены и потолок были бетонными, трехметровой толщины бетонные блоки лопались с жутким хрустом, исходя здоровенными трещинами, а там, где обделка была из оцинкованного чугуна, металлические чушки выбивало так, будто выстреливало. Многих зашибло насмерть или покалечило. Артезианская скважина сложилась, в лифтовой шахте рухнул противовес и разнес лифтовую кабину вместе с дверями в шлюз лифтовой площадки, автоматика сообщала об угрозе обрушения по всему бункеру и рекомендовала срочную эвакуацию...

Пленный криво усмехнулся:

– Эвакуация для эвакуаторов, или «спасатели спасут вас, как только кто-нибудь спасет спасателей». Мы ждали обрушения каждую секунду и жили от сотрясения до сотрясения. Свободного места в бункере хватало, и комендант приказал разместить личный состав в наименее опасных секторах. Мы с техником, нас всего двое осталось, обошли бункер, пока делали это, пару раз чуть не обделались от ужаса, потому что трести начинало жутко, и из потолочных трещин грунт на голову сыпался килограммами. Хуже всего обстановка была на складе продовольствия, там потолок частично обрушился и раздавил половину контейнеров с продуктами.

Короче, наименее опасных секторов найти не удалось, все разделилось на «очень опасные» и «рухнут в любую минуту». Поэтому людей разместили в первых. Курсантов и солдат собрали в жилом крыле, там ситуация была опаснее, но они прибыли к нам в скафандрах и штурмовых комплектах, так что шансов выжить при частичном обрушении у них было больше. Женщин и детей разместили в лазарете, он на тот момент пострадал меньше всех, трещина на потолке была всего одна. Остальных поселили в прилегающем секторе, там располагались хозяйственно-бытовые помещения, они пострадали сильнее, но все равно выглядели лучше, чем жилые сектора.

Рассказчик бессильно потупился и бесцветным голосом продолжил:

– За ночь нас жестоко трясло трижды, и на последнем разе все то крыло сложилось. Расплющило все: людей, лазарет, бытовки... ничего не осталось, сплошная стена обломков и грунта. К вечеру третьих суток из нее стала поступать вода, и мы, как могли, отрезали погибший отсек от остального бункера. После этого нас трясло еще дважды, но больше обрушений не было. С тех пор сильных сотрясений не происходило, но мелкие случались регулярно, по два-три раза в сутки, видимо, грунты после войны оседают...

К исходу четвертых суток аварийное питание стало умирать, энергии осталось на несколько часов. Сейсмотатчики не фиксировали ядерных ударов часов двадцать, и мы начали борьбу за выживание. Систему основного питания удалось починить, ее частично деформировало в результате смещений грунтов, цистерна с соляровкой дала трещину, с полтонны вылилось и половину сектора залило, но остальное уцелело, и мы смогли запустить дизель-генераторы. С нормальным освещением стало значительно легче, и мы принялись за укрепление стен и потолков. Вытащили из жилых секторов двухъярусные кровати, собрали из них опоры и подперли самые опасные места. Опасность обрушения существенно снизилась, и у нас появились шансы.

Связи ни с кем не было, в эфире сплошные помехи, связисты сказали, что, пока ионизация не спадет, рассчитывать докричаться до кого-либо бессмысленно. А когда она спадет – хрен его знает. Вроде дней через пять должно уже быть нормально. Только их надо еще прожить. Половина запаса продуктов уничтожена, но нас уцелело мало, так что продовольствия хватит надолго. А вот артезианская скважина перестала существовать. Водный НЗ хранился в бочках, которых хватит на неделю или даже на две, учитывая, что нас осталось чуть больше сотни. Если за это время нас найдут, то хорошо. А если нет, то вода закончится. Решили не рисковать и сразу заняться водоснабжением. В обрушившуюся затопленную часть бункера провели трубу, воду брали оттуда, фильтровали и кипятили. Текло оттуда сильно, так что воды хватало. Я боялся, что из-за многочисленных пробоев в защите от обводнения нас начнет топить, но поначалу этого не случилось.

С воздухом дело обстояло хуже. Вентиляционные шахты засыпало, пользоваться можно было только аварийной системой замкнутой регенерации воздуха, но запас химпластин к ней всего на две недели, а дальше смерть. Найдут нас за эти дни или нет, неизвестно. Что происходит на поверхности – неизвестно тем более. А тут еще связисты провели тесты своего оборудования и оказалось, что у нас не только больше нет внешних антенн, но еще отказала система, которая связывала с ними наш передатчик. Ее усилители смонтированы наверху, перед входом в лифтовую шахту сразу за противовзрывной плитой с внутренней стороны. Без связи в случае проведения спасательных работ нас могут посчитать погибшими и в первую очередь заняться кем-нибудь другим. В идеале нужно бы выставить переносную антенну на поверхность или хотя бы добраться до расположенных наверху внутренних усилителей. Если удастся сделать это, то можно будет приоткрыть входной люк, переделать систему фильтрации и использовать шахту лифта в качестве воздуховода. Генералы поставили мне задачу заниматься шахтой и разрешили использовать для этого все имеющиеся ресурсы.

– Генералы? – переспросил Овечкин. – У вас их было много?

– Пятеро, – подтвердил пленный. – Я знал только одного, другие прибыли во время эвакуации, но все наши, из ФСБ. Того, который был из академии, сильно поломало во время обрушений, и его поместили в лазарет. Говорят, он как раз в биорегенераторе лежал, когда лазарет расплющило. Второй сгорел во время пожара полтора месяца назад, остальные живы. Они единственные, кто из базы наружу не выходит.

Полученная информация окончательно утвердила Антона в мысли, что ни на какие здравомыслящие действия диктатор Брилёв не пойдет. Он же полковник, то есть генералы его главнее и выше по статусу, значит, как только они попадут в «Подземстрой», власть он потеряет

автоматически. А как известно, любой диктатор ради сохранения власти готов пожертвовать всем, а людьми – тем более! Тем временем пленный продолжил:

– С шахтой мы возились десять суток. В системе химической регенерации воздуха химпластин осталось на два дня, все были на нервах, но у нас все-таки получилось. Среди личного состава нашлись люди с альпинистской подготовкой, они поднялись по лифтовой шахте наверх и закрепили там канаты и подняли меня с моим техником. Подвесное оборудование лифта оказалось деформировано и частично сломано, требовался демонтаж и ремонт с использованием станков, слава богу, мастерские не расплющило, только засыпало сильно...

Альпинисты кое-как понаделали мостков, чтобы не рухнуть с шестидесятиметровой высоты прямо в шахту, и мы приступили к работам. Вручную демонтаж шел долго и тяжело. Мы собрали лебедку, чтобы поднимать наверх необходимые грузы, сняли с пары штурмовых комплектов защиту и вообще все, чтобы оставить только каркас с усилителями конечностей, потому что одними руками было справиться нереально. Пока мы занимались демонтажем, курсанты расчистили мастерские. Но с запуском станков возникли проблемы, с этим провозились сутки, потом долго правили деформированные детали, опыта ведь не было... Запасных лифтовых тросов не имелось, поэтому сращивали оборванные и молились, чтобы все выдержало... С прочими механизмами проблем тоже хватало, а направляющие в лифтовой шахте в нескольких местах вообще пришлось кувалдой править, этим альпинисты занимались прямо на весу.

В итоге лифт мы все-таки починили. Прицепили противовес, провели пробные пуски, и он даже не оборвался. Подняли наверх команду для выхода наружу и попытались открыть входные люки. Я в это вообще не верил, но люки открылись. Выход из бункера располагался на территории небольшого сквера, точнее, прямо под ним. Так специально было сделано, чтобы в случае войны его не погребло под обломками какого-нибудь небоскреба. В сквере был фонтан, под ним бетонная подушка в два метра толщиной и метровой толщины стальные ворота. Сразу за ними ангар с боевой и спасательной техникой, непосредственно выход из лифта выводил туда, планировалось, что на поверхность личный состав будет выезжать уже внутри техники.

Но ангар оказался разрушен и почти полностью завален. Уцелела от него едва четверть, но нам повезло. В незасыпанной части размещался гусеничный бульдозер с отвалом и телескопическим ковшом, и такой же гусеничный вездеход. Техника была современная, на электрической тяге, оставалось только расконсервировать, но радиационный фон за воротами не позволял находиться там без антирада даже в скафандрах, и пришлось срочно возвращаться. Лазарет расплющило вместе с дальним крылом бункера, там погибли не только гражданские и раненые, но и все, что имело отношение к медицине, включая врача и медсестер. Единственные оставшиеся медикаменты – это то, что имелось в носимом запасе скафандров и штурмовых комплектов. Поначалу ими лечили раненых, пострадавших от обрушений, но к исходу недели все тяжелые умерли, а легкие более-менее оклемались, и проблема медпомощи отошла на второй план. Теперь она снова встала. Потому что после антирада человеку требуется биорегенератор, а мы остались без медиков и лазарета.

Поначалу решили принять антирад и попытаться справиться с последствиями интоксикации своими силами, согласно имеющимся на этот случай инструкциям. Собрали ремонтную команду, экипировались по полной, приняли антирад и принялись выкапываться на поверхность. Запускали технику, прокапывали выход, готовили внешнюю антенну... Через шесть часов мы все-таки выехали наружу. Там все и офигели. Вокруг ночь, сплошная стена пыли, сквозь которую падает черный снег, минус двадцать пять... И бесконечная свалка из обломков. Ни домов, ни остовов зданий, даже отдельных стен нет. Ничего. Только месиво из размолотого бетона, дерева и железа. Компас не работает, электроника сразу же сгорела вся, кроме экранированной, а экранированная почти бесполезна из-за сильных помех, спутников нет, навигации не существует, связь цепляет метров на двадцать, видимость вдвое ниже и радиационный

фон под три тысячи рентген... Даже в скафандре под антирадом лошадиную дозу получишь гарантированно.

Пока все были в шоке, налетел ураган, и нас чуть не поубивало камнями. Мы забились под технику и пролежали там полчаса, потом ветер резко стих. Я даже не сразу понял, что уже штиль. Стало ясно, что внешняя антенна в таких условиях больше часа не проживет, поэтому ее установили в ангаре как можно ближе к поверхности и вернулись в бункер, пока целы. Потом началась интоксикация, и я думал, что умираю в мучениях. До этого мне никогда не бывало так больно, хоть на соревнованиях случалось получать переломы и продолжать драться прямо с ними. Но по сравнению с интоксикацией это оказалось несерьезно. Позже выяснилось, что из ремонтной команды с жизнью попрощался каждый, а те, кто видели наши мучения со стороны, были уверены, что никто из нас не выживет. Кто-то из солдат-ремонтников действительно умер, наверное, у него была непереносимость каких-то компонентов антирада, в инструкции есть предупреждение об этом...

Короче, мучились мы часов восемь, потом еще десять часов спали, словно трупы, а после отпивались водой, как верблюды. После такого никто уже на поверхность выбираться не хотел. Генералы решили, что нужно дожидаться, когда осядет пыль и восстановится связь со спутниками, потому что без связи не ясно, где расположены безопасные территории, а без навигации невозможно определить, куда идти. Мы снова закупорились и стали ждать, изредка проверяя обстановку наверху. Но чем больше проходило времени, тем хуже становилось. Температура упала за минус сорок, все засыпало черным снегом, уровень радиации вырос еще сильнее, ураганы стали еще опасней. На наши вызовы никто не отвечал, и с каждой неделей становилось все более очевидно, что никто уже не ответит.

Тогда генералы решили, что надо жить в бункере столько, сколько возможно. Бункер был рассчитан на полгода автономного существования при заполненности в пятьсот человек, но нас осталось четверо меньше, поэтому запасов должно было хватить вдвое дольше даже с учетом того, что половина продовольствия погибла. Если проживем год, до следующего лета, то наверняка сможем выбраться за пределы Москвы и найти безопасное место. Потому что за год и пыль осядет, и тепло вернется, и связь со спутниками восстановится, если из них что-нибудь уцелело. Все согласились.

Месяц прожили более-менее спокойно, если не считать постоянных вибраций из-за оседания грунтов. В такие моменты из трещин в потолках сыпалось земляное крошево, и это вызывало у некоторых панику. Несколько раз у кого-то не выдерживали нервы, люди срывались и начинали психовать. Обычно это заканчивалось дракой, потом зачинщиков утихомиривали, связывали и запирали отдельно от всех, пока не успокоятся. Чтобы у людей не съезжала крыша, генералы приказали офицерам организовать занятия по методам выживания. Все, кто что-то знал и умел, пытались обучить остальных. Я тоже собрал команду из наиболее толковых солдат и курсантов, учил их обслуживанию систем обеспечения бункера. Думал, выживем, шансы есть.

Пленный умолк и снова потянулся рукой к ожогу на веках.

– Но в какой-то момент землетрясения заметно усилились. Трясти чаще не стало, но сами вибрации стали опаснее. Полтора месяца назад нас затрясло так, что сместились работающие дизель-генераторы. Наверное, что-то лопнуло в топливной системе, потому что пожар вспыхнул мгновенно. Система пожаротушения сработала, но это оказалось бесполезно, потому что она была порошковая, а порошок высыпался из полопавшихся емкостей еще во время бомбардировки. Мы пытались использовать огнетушители, но все произошло слишком быстро. Цистерна с дизтопливом дала трещину еще в первый день, вытекшее из нее топливо залило половину сектора, все пропиталось соляжкой и теперь вспыхнуло, словно бумага.

Все бросились тушить огонь всем, чем только можно, но тут горящие генераторы вырубались, и основное питание пропало. Пока запускали аварийное, взорвалась цистерна с дизтоп-

ливом, и пожар охватил половину бункера. Пламя быстро распространялось, остановить его было нечем, температура подпрыгнула до шестидесяти, много людей сгорело, все получили ожоги. Всех, кто успел надеть скафандры, пламя выдавливало к шлюзу, и я понял, что воздух для горения поступает именно оттуда, через нашу новую систему вентиляции. Через нее же распространяется пожар. Мы вырубили вентиляцию и закупились там, где еще было можно. Это помогло. Кислород быстро выгорел, и пожар погас. Пока ждали, потратили много кислорода из аварийного запаса скафандров, но зато выжили. Потом запустили вентиляцию и принялись разбираться, в каком мы положении.

Рассказчик потрогал свои ожоги, болезненно скривился скорее по привычке, чем от реальной боли, и продолжил с нездоровой ухмылкой:

– Оказалось, что оно еще дерьмовее, чем казалось. Два десятка человек погибли, основной системы электропитания больше не существует, склады выгорели, матценности большей частью уничтожены, основной запас продовольствия потерян. Аварийные аккумуляторные емкости повреждены, энергии хватит на день или два, и есть она не везде, потому что шинопроводы выгорели, а беспроводная электрическая сеть покрывает только часть бункера, потому что она дорогая, и устанавливать ее в устаревшем убежище везде было слишком затратно. Не пострадала только труба, по которой мы получали воду из затопленных помещений, и оружейный склад.

Короче, через пару суток мы останемся без энергии, а значит, без света, воздуха, отопления и систем очистки воды. Выжившие только что закончили оказывать друг другу первую помощь, отсутствие медиков сильно сказывалось на настрое, люди были подавлены, и эта информация вызвала у многих тихую панику. И тогда наш генерал заявил, что выход есть, если повезет. Оказывается, наверху, в засыпанном ангаре для техники, в отдельном боксе стоит Лазерная Самоходная Установка. Это оружие считается секретным, потому что работает на компактном ядерном реакторе, и все места дислокации ЛСУ всегда засекречены. Одна такая есть у нас наверху, и если мы сумеем ее откопать, то сможем использовать ее ядерный реактор для получения энергии. Опять же, если сумеем.

Пленный грустно улыбнулся, продолжая глядеть в пустоту:

– Пожалуй, это был единственный раз, когда нам повезло. Бокс с ЛСУ мы нашли сразу. В смысле, мы пять часов прокапывались к ней в ангаре, в скафандрах и под антирадом, используя бульдозер с ковшом. Но за это время ничего не рухнуло нам на головы, и самоходка оказалась в первом же боксе, на который мы наткнулись. Ее тоже засыпало обрушением, но не повредило, и нам удалось попасть внутрь нее. Среди офицеров оказалось целых три человека, которые в разное время проходили обучение управлению ЛСУ, правда, никто из них не имел практического опыта, но этого хватило. Реактор активировали, самоходку запустили, и она вышла из-под завала своим ходом, спровоцировав еще большее обрушение позади себя, которое распространилось на остальной ангар. Из-за этого нас всех чуть было не завалило, один человек погиб, остальные успели попрятаться под техникой. Слава богу, полного обрушения не произошло, разве что выносную антенну расплющило, но на это было уже наплевать, главное, почти все выжили.

ЛСУ подвели вплотную к лифту, и все, кто хоть что-то знал в этой области, принялись ломать голову, как запитать бункер от ее реактора. В результате мы пришли к выводу, что нам требуется изготовить для ЛСУ специальный коммутирующий узел, от которого можно будет пробросить электрический кабель. Сделать это времени уже не хватило, все вернулись в бункер и приготовились страдать от интоксикации. Для меня это была вторая интоксикация, но мучения показались мне еще более жестокими, чем в первый раз.

Он замученно скривился, словно вспоминая череду тяжелых страданий:

– Я так и не смог привыкнуть к интоксикациям. Сколько уже их было, и каждый раз боль такая, как будто на куски режут. Всегда кажется, что эту интоксикацию мне не пережить. – Его

взгляд сфокусировался, и он посмотрел на Порфирьева: – Варяг, как тебе удастся переносить это так просто? Когда меня скрючило, ты был еще в норме, а когда я очухался, ты снова был в порядке...

– Адаптация, – коротко прорычал Порфирьев. – Меня отпускает быстрее. Так что с вашей ЛСУ? Я так понял, вы с тех пор от нее запитываетесь?

– От нее, – подтвердил пленный. – Коммутирующий узел мы собрали, детали для него искали по всем выгоревшим складам, но в конце концов все заработало. Даже бухту силового кабеля повезло найти. Сама бобина, на которую он был намотан, расплавилась, несколько верхних витков тоже, но внутри бухты кабель оказался целым, и его хватило. Мы пробросили его от ЛСУ до штатной шины питания, и проблема с электричеством была решена на ближайшие года три, так сказал генерал.

Мы восстановили бункер, как смогли, и продолжили жить. Через полмесяца стало ясно, что продовольствие заканчивается даже быстрее, чем мы ожидали при нашей экономии. Генералы ужесточили нормы, но было понятно, что это мало что изменит: вместо двух недель голод наступит через три. И тогда кто-то из них сообщил, что в девяноста километрах от нас есть склады Росрезерва. Оказалось, что об этом знали не только генералы, но не понятно, как туда добраться. Транспорта нет, навигации тоже, пешком такое расстояние за один цикл антирада не пройти, тем более что ориентироваться на поверхности невозможно.

Кто-то из офицеров оказался бывшим спецназовцем, он сказал, что карту можно попытаться привязать к местности вручную и идти по ней без навигации, используя гирокомпас. Для пережидания интоксикации и минимального интервала между циклами антирада нужно использовать спецпалатки «База-2М», если они у нас есть. Базы у нас на складе были, но после пожара уцелела всего одна. Сотня человек в нее не вместится, она на взвод рассчитана, а это три десятка бойцов.

Один из генералов заявил, что, типа, жить захочешь, еще не там поместишься, но, если спецназовец сумеет организовать безошибочное ориентирование на местности, то набиваться в базу, как сельдь в банку, не придется. У нас есть ЛСУ, бульдозер и вездеход, можно разместить всех на броне и внутри, тогда доедем до Росрезерва за один цикл антирада. Сами склады под землей, и там наверняка радиации нет. Даже если склады повреждены ядерными ударами, то полностью они погибнуть не должны, потому что занимают под землей большую площадь. Нам главное прокопаться к ангарам со спасательной техникой, они расположены непосредственно у входа, используя бульдозер, мы сможем сделать это.

Получив технику, мы запасемся продуктами и отправимся к «Подземстрою-1», он наверняка уцелел и места там на сотню человек в любом случае хватит. А если вдруг в «Подземстрое» кто-нибудь будет иметь что-то против, то мы войдем туда силовым путем, арестуем преступников и восстановим закон и порядок. Для этого нужно вооружиться по максимуму. Тем более что после обмена ударами прошло два месяца, и если Росрезерв выжил, то неизвестно как поведут себя его сотрудники при нашем появлении. Нельзя исключать наличие у них злого умысла. Вдруг на почве психологической травмы кто-то из них двинулся крышей и решил, что склады теперь являются его собственностью, а сам он волен решать, кому выдавать продукты, а кого обрекать на голодную смерть. А если склады захвачены мародерами, то ситуация и вовсе однозначна.

В итоге было принято решение готовиться к переходу в Росрезерв. Спецназовец надел штурмовой комплект и что-то долго вымерял сначала в самых дальних частях бункера, потом сравнивал свою карту с планом внутренних помещений, делал какие-то расчеты. В конце концов заявил, что при ориентировании на поверхности погрешностей не избежать, но до Росрезерва мы дойти должны, а там он сможет уточнить карту. Неделю мы готовились к маршу и даже поднялись наверх, в ангар, и попытались откопать еще что-нибудь из техники. Нашли три

грузовика, два уничтожило обрушением, третий сильно покорежило, но его удалось завести и поставить на ход.

Идти решили сразу всем личным составом, потому что оставлять тут часть людей невыгодно. Во-первых, без ЛСУ у них будет электропитания всего на двое суток, это все, на что хватало уцелевших аварийных емкостей при полной зарядке, и если вдруг основной отряд задержится по каким-либо причинам, эти люди серьезно рискуют. Во-вторых, в случае успеха основному отряду придется возвращаться в бункер за оставшимися, это значит антирад, облучение, интоксикация, потеря здоровья, времени и ресурса питающих технику аккумуляторов. В-третьих, если за Росрезерв придется вести бой, то чем больше личного состава, тем лучше.

Короче, пошли все, тем более что оставаться никто не хотел. Скафандров и штурмовых комплектов хватало на всех, но большую часть оружия и боеприпасов пришлось оставить в бункере, потому что грузить было некуда. В установленный день все экипировались в полную боевую выкладку, приняли антирад и поднялись на поверхность. Там сразу же начались проблемы. Видимость метров десять, мороз уже за сорок, все забито черным снегом и постоянно налетают бураны. Грузовик был колесным и мог идти только за бульдозером, по колее метровой глубины, но даже так он еле полз. Поэтому его поставили вторым, ЛСУ шла следом, чтобы в случае чего подтолкнуть, и подталкивать приходилось постоянно.

Внутри техники не уместилось и половины личного состава, основная масса людей сидела на броне, и приходилось прятаться под машины, как только начинался буран. Самый первый застал нас врасплох, людей сорвало с брони и разбросало по сторонам. Спасло то, что все были в штурмовых комплектах, никто не поломался и не улетел за пределы видимости и досягаемости раций. После урагана все добрались до техники, разместились и поехали дальше. Двигаться удавалось не быстрее десяти километров в час, увеличить скорость не получалось, кругом горы заснеженных обломков, зато ямы и впадины засыпаны черным снегом и вообще не видны. В одну такую бульдозер чуть не рухнул, чудом не упал, на самом краю замер, накренившись так, что десант с брони посыпался. Кто-то провалился под снег и упал в какую-то пустоту. Его крик в эфире сменился хрипом и бульканьем, потом все утонуло в помехах. Пока бульдозер на прицепе оттаскивали от ямы, пропавшего пытались искать, но не нашли, и генералы приказали продолжить движение.

Еще через час под снег провалился грузовик. Видимо, внизу раньше было метро или подземный переход, а может, еще что, кто его знает... После взрывов там все обрушилось, образовался глубокий провал, потом провал сверху занесло обломками и снегом. Бульдозер успел пройти по этому месту за секунду до обрушения и чудом не провалился. Колесный грузовик шел следом и начал оседать прямо с куском окружающего пространства. Находящиеся в кузове почувствовали это и бросились врассыпную, но спастись успели только те, кто ехал ближе всего к выходу. Остальным не хватило времени выбраться, и они рухнули вместе с грузовиком. В крошечной пыли даже не было видно, где у пролома дно, значит, там глубже, чем десять метров. Вместе с грузовиком туда рухнула тонна обломков, и над провалом несколько секунд бурлило облако черного снега. В эфире звенели вопли гибнущих людей и хруст. Может, это хрустел ломающийся бетон или корпус грузовика, но ощущение было такое, словно хрустят человеческие кости. Хруст бы таким громким, что его было отчетливо слышно даже через шипение помех. Он потом сутки стоял у меня в ушах...

Пленный поежился, и по его чумазому лицу скользнула болезненная гримаса.

– Крики в эфире быстро утонули в помехах, и кроме шипения в головных телефонах ничего не было слышно. Я ехал на броне ЛСУ, мы еле успели остановиться возле самого края обрыва и стали подбирать тех, кому повезло спастись. Попутно орали в эфире бульдозеру, чтобы остановился. Бульдозер нас не слышал, связь цепляла едва-едва, и расстояние было слишком большим, но те, кто сидел у него на броне, слышали звук обрушения и заметили, что фары идущего позади грузовика больше не горят. Бульдозер вернулся задним ходом и остано-

вился недалеко от обрыва, но их было еле слышно в эфире. Между нами находился провал, и было непонятно, где его можно безопасно объехать. Вдруг это метро, и оно тянется на десятки километров. Начнешь объезжать хоть справа, хоть слева, но все равно провалишься.

Умирать никто не хотел, особенно те, кто чудом успел выскочить из падающего грузовика и остался жив. Уцелело всего с десятков человек, так что им еще повезло... Короче, оставаться на месте или поворачивать назад не было смысла, решили проехать вдоль предполагаемой границы провала сто метров и двигаться прежним курсом. Вперед пустили вездеход, чтобы не рисковать ЛСУ как единственным источником энергии, самоходка пошла следом. По другую сторону провала параллельно с нами двигался бульдозер, чтобы не потеряться. В крошечной пылевой тьме никто бы дорогу друг к другу не нашел, это понимали все...

К счастью, больше мы никуда не проваливались. Объехали опасное место, как смогли, соединили колонну и двинулись дальше. После такого никто уже не пытался увеличить скорость, мы ползли десять километров в час, и мне казалось, что колонна движется слишком быстро, если впереди окажется провал или воронка, в сплошной пыли рискуем заметить это слишком поздно или вообще не заметить...

Часто налетали бураны, колонна останавливалась, и люди прятались за техникой, чтобы не побито потоками камней и заледеневших комков радиоактивной грязи. Двигаться без остановок было невозможно, и за цикл антирада удалось пройти километров пятьдесят с чем-то. Когда до стандартной интоксикации оставалось полчаса, генералы остановили колонну и приказали разворачивать базу. Полчаса на установку спецпалатки – это больше стандартного норматива, но мы все равно не успели. Потому что никто из нас никогда ее не устанавливал по нормальному, большинство вообще видело спецпалатку впервые. Спасло то, что несколько курсантов год или два назад присутствовали на занятиях по развертыванию базы. Мы ФСБ, война в условиях ядерной войны не наша специализация, поэтому занятия подобного рода были обзорными, и все на них забывали. Курсанты рванули разворачивать базу по принципу «кто что помнил», получалось это не сразу и не у всех.

Когда спецпалатку все-таки установили, интоксикация уже срубила нескольких человек. Они бились в конвульсиях, утопая в черном снегу, их лиц даже не было видно из-за заляпавшей лицевые щитки рвоты. Никто не понимал, чем им помочь, кто-то пытался колоть транквилизаторы, кто-то заявлял, что этого делать ни в коем случае нельзя. Один из тех, кого корчило, как-то сумел вколоть себе противошоковое сам. Через полминуты его выгнуло в дугу, и он умер. Еще один захлебнулся собственными рвотными массами, остальные дожили до того, как база была развернута, и их втащили внутрь. Как потом оказалось – зря, потому что все равно никто не выжил, только место заняли.

Нас к тому времени осталось человек восемьдесят, и места не хватало от слова «совсем». Лежать было негде, все распределились по спецпалатке сидя, и генералы приказали зафиксировать экзоскелеты в сидячем положении. Поначалу это помогало, а потом начался ад. Людей скрутило судорогами, все бились в конвульсиях прямо друг на друге, заблевывая себя и окружающих, в ушах сквозь жестокую резь боли гремела адская какофония из хрипов, криков, бульканья и стука соударяющегося металла. Наверное, это была самая жуткая интоксикация из всех, не знаю...

Пленный скривился и в очередной раз потер обожженные веки.

– Для меня все интоксикации жуткие. Но после этой из базы вынесли еще семь трупов, все погибли от непреднамеренных ударов усилителями конечностей. Сутки мы просидели впритирку друг к другу, очень хотелось пить, и к началу следующего цикла мы выпили половину взятого с собой запаса. Генералы приказали экономить, потому что никто уже не понимал, дойдем ли до Росрезерва за один переход.

Первый час пути колонна едва плелась, потом захламенность вокруг заметно уменьшилась. Многометровая свалка превратилась в невысокую, и бульдозер пошел увереннее. Ско-

рость немного выросла, и оставшееся расстояние мы прошли за четыре часа. В эфире объявили, что мы достигли места расположения Росрезерва, и теперь предстоит обнаружить и раскопать вход. На рацию никто не отвечает, вокруг нет ничего, кроме черной зольной тундры, значит, склады погребены под землей и необитаемы. Это даже хорошо, потому что все, что там есть, нетронуто и достанется нам.

Слова генерала всех взбудрили, но длилось это недолго. У генералов был план Росрезерва, и колонна начала двигаться по местности в поисках входа. Почти сразу радиационный фон начал расти, и мы наткнулись на кратер, уходящий глубоко под землю. Через пятнадцать минут бульдозер чуть не упал во второй такой же пролом. Потом снова налетел буран, двадцать минут мы лежали под машинами, ожидая, когда он закончится, потом еще пять выкапывались из-под заносов черного снега и забирались на броню. Генералы развернули колонну в другую сторону, и поиски продолжились подальше от кратеров. Через двадцать минут мы натолкнулись на ваш ров. ЛСУ зацепила его откос гусеницей и чуть не сползла туда боком. Оказалось, что в пыльной темноте черный снег окружающей пустоши сливается с чернотой рва, и его ни фи́га не видно даже в пяти метрах. Мы дошли до начала рва, заехали в него и добрались до ворот в Росрезерв.

Стало ясно, что кто-то его откопал до нас, но на рацию никто не отвечал, и ворота были подперты обломком бетонного блока снаружи. Значит, сейчас там никого. Мы заехали внутрь, надеясь, что там безопасно, но оказалось, что склады наполовину уничтожены, от бывлой герметичности ничего не осталось, и радиационный фон там практически такой же, как на улице. Без антирада не выжить даже в скафандрах. А еще имеются хорошо заметные следы чьей-то активности. Тот, кто здесь побывал до нас, забрал всю полезную технику, очистил хранилище противорадиационного снаряжения и вывозит из Росрезерва продовольствие.

Генералы собрали офицерский совет, который пришел к выводу, что продукты вывозит «Подземстрой-1». Они гражданский бункер, по ним не стреляли, поэтому они не пострадали. Из всех противоатомных убежищ, личный состав которых, теоретически, мог добраться до Росрезерва в текущих реалиях, только у «Подземстроя» имеется серьезный автопарк. У остальных такого нет. Тем более что остальные объекты имели военное назначение, по ним стопроцентно наносились удары, и никакая техника уцелеть не могла – все видели, что случилось с нашим ангаром, а ведь мы всего лишь эвакуационное убежище ФСБ, а не стратегический командный пункт. Но следы, которые мы нашли внутри складов, принадлежат не гражданским скафандрам. Это отпечатки стандартной защиты ног, которая применяется в штурмовых комплектах. Такого снаряжения в «Подземстрое» быть не могло, значит, он захвачен какими-то военными.

Сначала все решили, что кому-то из гарнизона какого-нибудь стратегического бункера удалось выжить, но сам бункер получил сильные повреждения и утратил автономность. Уцелевшие смогли добраться до «Подземстроя» и влились в его административные органы. Только непонятно, зачем они вывозят продукты, ведь у них полностью автономное продовольственное обеспечение, и без серьезной причины добираться досюда за пятьсот километров, рискуя погибнуть каждую минуту, смысла нет. Может, у них проблемы с биофермами из-за постоянных землетрясений, если только так...

Но потом наш бывший спецназовец нашел на складе материальных ценностей сразу в нескольких местах отпечатки подошв фотохромных комбинезонов, и генералы объявили боевую готовность. Потому что фотохромный комбинезон – это уже спецназ. А в стратегическом бункере спецназа нет, там воевать не с кем, он под землей находится, в нем высший комсостав осуществляет управление ходом боевых действий. Если только это не секретный бункер ГРУ, эти отморозки любят кичиться своим спецназом и засовывать его во все дыры, где надо и где нет. И вести грязные игры как за рубежом, так и внутри страны. Всем хорошо известно, что у нашей конторы с ГРУ постоянные терки, конкуренция и очень натянутые отношения. Мы

самостоятельное ведомство, стоящее на страже законной власти и безопасности страны, а они – придаток к Министерству Обороны. Решить что-либо официально они не могут, полномочий не хватает, поэтому любят использовать всевозможные методики тайных манипуляций, зачастую слабо совместимых с законом.

Эти запросто могли захватить «Подземстрой-1» еще до начала обмена ударами. Один из генералов заявил, что это наверняка именно так и было. Маловероятно, что у ГРУ был бункер рядом с «Подземстроем», о котором ФСБ не знало. Мы – часть правительства, из наших рядов выходят Президенты, мы знаем обо всем. Более вероятно, что ГРУ заранее планировало операцию по захвату «Подземстроя-1» в первые минуты ядерного конфликта на случай, если ядерная война все-таки произойдет. Их высшему руководству хотелось получить безопасное убежище, по которому не станут наносить удары, то есть «Подземстрой-1» идеальный вариант.

И никто не удивится, если окажется, что подобный план ГРУ разработало еще на стадии строительства «Подземстроя-1». Как только из-за ситуации на Шельфе ООН все силовые структуры были приведены в боевую готовность, ГРУ могло скрытно выдвинуть спецназ в район «Подземстроя». Едва стало известно о начале ядерной войны, спецназ захватил гражданский бункер и обеспечил прибытие туда своего высшего руководства. Особых трудностей в этом не было, потому что шла эвакуация, бункер был открыт и принимал людей. А в том, что это был именно незаконный захват, сомневаться не приходится. Шрецкий давно метил в президенты и хорошо знал политическую конъюнктуру. Поэтому держал армейцев на вытянутой руке и тесно взаимодействовал с ФСБ. Личная охрана у него была только из наших, и вообще, Служба Безопасности его бизнес-империи редко брала в свои ряды кого-то из армейских. Поэтому работать с ГРУ он бы не стал.

При этих словах Порфирьев мрачно нахмурился, видимо, вспоминая, как его завернули кадровики Шрецкого при попытке устроиться в охрану «Подземстроя-1».

– Короче, – продолжал рассказ пленный, – разрешение на подобное использование своего «Подземстроя» Шрецкий армейцам никогда бы не дал, тем более ГРУ.

Поэтому генералы решили, что с высокой долей вероятности «Подземстрой-1» захвачен ГРУ и кишит спецназом. Это объясняет отпечатки их подошв. Военных было больше, чем гражданских, то есть это грузчики и солдаты, одновременно исполняющие функции конвоя, потому что гражданские захвачены силой. Тем более что фотохромный комбинезон сильно уступает по радиационной защите скафандру, и никто не будет передвигаться в нем по поверхности в таких условиях. Спецназ везут сюда внутри специализированного транспорта в безопасности, здесь он зачищает объект, дальше в дело вступают хорошо защищенные от радиации бойцы. Росрезерв однозначно зачистили, потому что следов взлома нет, ворота открывались изнутри, а на склонах проломов мы видели несколько тросов, сброшенных вниз. Сейчас добраться до них невозможно, но тогда, когда их крепили, снега еще не было, и проблем не имелось. А внутри складов мы обнаружили несколько трупов людей в снаряжении охранников с огнестрельными ранениями. Это спецназ ГРУ проник через проломы внутрь складов, уничтожил охрану и открыл ворота изнутри.

Транспорта в «Подземстрое» достаточно, отсюда тоже вывезли всю спасательную технику и вездеход на воздушной подушке, а он тут был, информация о нем есть в генеральских файлах. И следы спецназа замечены в единственном складе материальных ценностей, наполовину разрушенном. Явно видно, что оттуда вывезено какое-то оборудование, в том числе спутниковый ретранслятор. Продуктовые склады были почти не тронуты, оттуда забрали количество продуктов, мизерное для двухтысячного населения, на которое рассчитан «Подземстрой-1». Скорее всего, оно требовалось для нужд тех, кто приехал сюда за ретранслятором. А вот их потребность в ретрансляторе как раз многое объясняет. Например, то, что во время штурма «Подземстроя-1» спецназ ГРУ уничтожил внешние системы связи, чтобы администрация не смогла подать сигнал бедствия и сообщить о нападении правоохранительным органам или

напрямую Шрецкому. А после окончания обмена ударами им потребовалась связь, как и нам. Все сходится...

– Они нашли трупы тех мужчин, с которыми пришел туда покойный Иван Вахидович, – понял Овечкин. – Они же были охранниками стрелкового тира! Это недоразумение! Они погибли из-за междоусобицы!

– Не мешай, – недовольно оборвал его Порфирьев и вновь посмотрел на пленного: – Зачем вы склады-то заминировали? Если видели, что мы оттуда взяли всего ничего!

– Это было предупреждение, – пленный пожал плечами. – Генералы сказали, что если «Подземстрой-1» захвачен ГРУ, то просто так нас они туда не пустят, потому что ГРУшное начальство не захочет, чтобы о захвате кто-нибудь узнал, там ведь без крови не обошлось, это сто процентов, достаточно посмотреть на трупы здесь. Мы же ФСБ, они наложат в штаны, как только услышат. Скорее всего, от нас попытаются избавиться. Штурмовать «Подземстрой» мы не можем. Непонятно, какие силы там сосредоточены, да и добраться до него вряд ли получится. А если и получится, то мы ограничены циклами антирада. Нас могут голыми руками взять, пока мы будем в спецпалатке от интоксикации корчиться.

Единственный выход – это захватить Росрезерв. Если мы возьмем склады под свой контроль, то «Подземстрой» придется с этим считаться. Видно же, что они приезжали сюда больше, чем один раз, значит, им здесь что-нибудь нужно, и они могут вернуться еще. Тут у нас тактическое и огневое преимущество, вряд ли у них есть что противопоставить Лазерной Самоходной Установке в узком пространстве входного рва. Поэтому мы должны организовать засаду и нейтрализовать их команду, которая сюда приедет. Захватить транспорт и пленных, допросить злоумышленников и получить информацию. В нашем бункере без продуктов нам конец. Все равно придется регулярно ездить в Росрезерв за продовольствием, а так и самим в засаду попасть недолго.

Но здесь мы оставаться не можем, радиация и интоксикации нас быстро убьют. Поэтому мы грузим продовольствие, сколько сможем, и возвращаемся к себе. Там собираем все, что у нас есть, и думаем, как установить контроль над Росрезервом. Находим способ и реализуем его. Энергии у нас в избытке, продовольствия в Росрезерве полно, это дает возможность выжить и заняться разработкой вариантов, которые дадут нам возможность попасть в «Подземстрой-1». Но скрыть следы своего появления здесь мы не сможем, поэтому надо принять меры для того, чтобы усложнить противнику организацию засады на нас. Надо заминировать продовольственные склады и вход в Росрезерв. Если нам противостоит спецназ ГРУ, то мины они, скорее всего, обезвредят, но это послужит им красноречивым предупреждением, что мы не гражданские мальчишки для битвы и с нами придется считаться. А если на наших минах кто-то из них подорвется, то это сократит численность противника, что еще больший плюс.

Пленный умолк, исподлобья скользя взглядом по всем присутствующим, словно подозревал их в чем-то. Не дождавшись реакции, он продолжил:

– Мы развернули базу, сняли штурмовые комплекты и набились внутрь переживать интоксикацию. К тому моменту нас было больше шестидесяти, давка была ужасной, боль еще хуже, и я снова думал, что не выживу... Но на этот раз никто не умер. Все были вымазаны в рвотных массах, многие в крови, но интоксикацию мы пережили и кое-как оклемались. Потом начался следующий цикл антирада, мы забили продовольствием все внутреннее пространство техники, заминировали склады и вход и двинулись в обратный путь. Места на броне всем не хватило, но в транспортном ангаре мы обнаружили разобранные грузовики, из частей одного из них наспех собрали волокушу и прицепили ее к бульдозеру. Все, кто остался без транспорта, должны были ехать в ней. Это их и спасло.

Он вновь покосился на молчаливо слушающих людей и заговорил:

– Из складов мы выезжали в обратном порядке: первым шел вездеход, потом ЛСУ, замыкал бульдозер. Из рва выходили пешком, планировали сесть в волокушу после того, как

колонна встанет на колею. Но оказалось, что за сутки от нашей колеи не осталось даже следа и надо пробивать новую. Пока выгоняли вперед бульдозер, кто-то заметил в пылевом мраке две красные точки. Тепловизоры не давали никаких отметок, генералы объявили боевую тревогу, и все попадали в снег, изгибаясь к бою. ЛСУ развернулась в сторону противника, но точки уплыли куда-то во мрак и исчезли. Мы решили, что это спецназ из «Подземстроя-1» в фотохромных комбинезонах пытался обстрелять нас из оружия с лазерными прицелами, но объявление тревоги их спугнуло.

Минут десять мы ждали нападения, потом начался буран, и еще двадцать минут все ждали, когда он закончится. Термометр показывал под минус сорок, обогрев скафандров жрал аккумуляторы вдвое быстрее, но температура внутри все равно не поднималась выше пятнадцати градусов, пока не заканчивался ветер. Генерал сказал, что в фотохромном комбинезоне, слабо защищенном от радиации, не настолько тепло и безопасно, чтобы поджидать нас до сих пор, и как только буран стих, колонна продолжила движение. Мы отошли от Росрезерва километров на десять, когда красные точки появились слева от вездехода. Горели они метрах в трех над землей, и генерал выкрикнул, что там, в пылевом мраке, какое-то возвышение, с верхушки которого спецназ готовится атаковать колонну. Поступил приказ открыть огонь, и мы ударили из всех стволов.

В тот миг никто не понял, что произошло, все случилось слишком быстро. По вездеходу ударили чем-то тяжелым, и его разнесло в клочья, словно он был не из стали, а из динамита сделан. Ударило так, что в ушах звенело даже через гермошлем. Взрывной волной всех вдавило в снежную толщу, люди потерялись в черном месиве, техника заглохла, волокушу перевернуло вверх дном, и она накрыла собой десант. В следующую секунду начался буран, наверное, потому мы и выжили. Когда ветер стих, противника уже не было. По крайней мере, отсветов лазерных прицелов нигде не наблюдалось. Один из генералов сказал, что спецназ из «Подземстроя-1» заложил на пути нашего следования фугас и подорвал его под вездеходом. Но по правилам организации засады уничтожать надо первую и последнюю машины в колонне, а наш бульдозер не подорвался, поэтому нужно быть готовыми к тому, что где-то здесь есть второй фугас. Просто бульдозер случайно проехал мимо него. Все сильно напряглись, но бывший спецназовец сказал, что такого быть не может, потому что он реально не понимает, как противник мог установить фугасы на нашем пути заранее, если даже мы сами не знали, как будет пролегать новый маршрут.

На это генерал ответил, что у «Подземстроя» имеются вездеходы на воздушной подушке, как минимум один точно есть, тот, который числился на складах Росрезерва. На воздушной подушке они двигаются быстрее нас, поэтому могли обогнать и заложить фугасы приблизительно, из расчета, что мы идем по прямой. Их расчет оказался не совсем точным, один фугас мы миновали, а вот со вторым не повезло. Спецназовец не стал спорить с генералом, хотя позже, в палатке, сказал, что все равно не думает, что это возможно. Он оказался прав, но тогда никто об этом не знал.

Пленный в третий раз бросил на всех подозревающий взгляд, но, видимо, не дождался той реакции, на которую рассчитывал, и продолжил:

– Короче, технику удалось завести, началась переключка и поиски тех, кто не отвечал. От вездехода не осталось ничего, что было бы крупнее пивной кеги, погиб экипаж, продукты, восемь человек десанта и почти весь запас воды. Двоих курсантов из числа тех, кто ехал на броне ЛСУ сзади, взрывной волной вышвырнуло куда-то в пустошь. Система биомониторинга личного состава, имевшаяся у их взводного, в момент взрыва зафиксировала смерть подчиненных, и искать их не стали. Других потерь не было. Бойцы перецепили волокушу, которая их спасла, к бульдозеру, и мы двинулись дальше. В целях безопасности мы развернулись под углом девяносто градусов по отношению к прежнему курсу, прошли так сотню метров и продолжили двигаться к своему бункеру.

Больше нападений не было, но обратный путь оказался еще дольше, чем путь сюда. Волокуша шла по черному снегу фигово, ее постоянно шкивало, и она билась о края колеи. Трос, которым она была привязана, постоянно рвался, приходилось останавливаться и сваривать его заново. Мороз за минус сорок, ветер, грязный снег клубами – короче, не видно ни фига, и резак плавит еле-еле, расплав замерзает еще до того, как оборванные концы срастутся... Из скафандров сильным ветром выдувает тепло, под бураном температура внутри падает до плюс десяти, холодно, аж зубы стучат. Как только начинался буран, мы останавливались и прятались, кто где успел: за техникой, под техникой – пофиг, лишь бы не остаться на прямом ветру. За цикл антирада прошли половину расстояния, развернули базу, сняли штурмовые комплекты, сложили их между ЛСУ и бульдозером и накрыли сверху волокушей, чтобы ураганом не унесло.

Нас тогда оставалось пятьдесят три, но давка внутри базы все равно была жуткая. От интоксикации потерь не было, только грязища, разбитые лица и ощущение, что в следующий раз точно подохнешь. Жажда давила так, что остатки воды выпили почти сразу. Ее мало было, основной запас внутри вездехода лежал и вместе с ним взорвался. Сутки прошли жестоко, пить хотелось больше, чем жить. Потом начался цикл антирада, мы выбрались наружу и час откапывали технику. Волокушу вообще занесло целиком, ее не сразу нашли. Но штурмовые комплекты уцелели, хорошо, что аккумуляторные батареи мы заранее с собой в спецпалатку унесли, не зря бились об них головами...

До бункера успели пройти минута в минуту. Дорога была тяжелая, бураны, адский холод, постоянные обрывы троса, несколько раз волокуша наскакивала на отвал колеи и переворачивалась... слава богу, хоть провалов в земле нам больше не попадалось. К входу в бункер вышли немного с другой стороны и в этой гребаной ночной пыли проехали мимо. Поняли метров через триста, пока развернулись, пока нашли вход – стандартные семь тридцать цикла антирада истекли. Внутрь спускались в истерике, все орали друг на друга, подгоняя, но раскопанный въезд занесло снегом, и его пришлось откапывать, да и лифт от матов быстрее ехать не стал...

Короче, у двоих интоксикация началась еще в ангаре, пришлось тащить волоком за руки, к ногам было не подойти, судороги в штурмовом комплекте – это реальная пальцедробилка, со стороны ног лучше не соваться. Еще одного сломало прямо в лифте, он распинал всех, но его придавили толпой и отключили аккумулятор. Остальные успели добраться до бункера. Подключать реактор ЛСУ к внутреннему питанию времени не было, поэтому я врубил аварийное, и все попадали, кто где, прямо в коридоре за шлюзом. Я снова думал, что не выживу, но выжил...

А вот один из тех, кого скорчило в ангаре, умер. Он вроде из интоксикации вышел живым и уснул, но потом его скрючило с жуткими конвульсиями, изо рта пена хлынула ручьем, и все. Никто даже подойти к нему не успел, всем было хреново, люди едва шевелились. Пока аварийное питание еще было, все бросились, точнее, поползли, запускать систему фильтрации воды. Я в жизни так не радовался обычной воде! Не отрываясь, выпил столько, что стошнило водой, и сразу после выпил, наверное, еще столько же...

Мы еще толком не успели восстановиться, все разбрелись по койкам и отсыпались, как вдруг аварийное питание вырубилось. Я спал и не сразу понял, что питания нет, меня разбудили и сообщили. Аварийного должно было хватить еще на сутки, я подумал, что что-то сломалось, оделся при свете дисплея наручного коммуникатора и пошел в аккумуляторную. Пока ковырялся там в темноте, ни фига не понял: аккумуляторные сборки вроде рабочие, но почему питание не подается, черт его знает... И тут со стороны жилых секторов ударил взрыв и началась стрельба. Я без оружия, без штурмового комплекта, даже без скафандра, в одном комке, куда бежать?! Там взрывы долбят один за другим! Схватил динамометрический ключ потяжелее и спрятался за аккумуляторами, что еще было делать...

Минут через десять все стихло, и аварийное врубилось само. Я посидел минут пять для надежности и полез посмотреть, что случилось. В коридоре меня свои же чуть не завалили, еле успел за угол отпрыгнуть, пули перед самой башкой в стену били. Я кричу, типа, это я, я Шара-

футдинов, я свой, а они долбят один фиг. Пока магазины не расстреляли, не успокоились. Я слышу, как они перезаряжаются, и давай орать матом во все горло. Только тогда они поняли, что это я. Говорят, какие-то огромные роботы ходят по бункеру и убивают всех, кого видят. Никто не видел, как они проникли в бункер, потому что все отсыпались после интоксикации, некому было нести службу, да и за входным шлюзом давно уже не следили, мир сгорел в ядерном аду, не от кого запереться.

Поэтому роботы застали нас врасплох. Наверняка это они вырубили аварийное питание каким-нибудь электромагнитным ударом и под покровом темноты атаковали спящих людей. Они убили бы всех, но кто-то наткнулся на них случайно в центральном коридоре и поднял тревогу. Те, кто успел вооружиться первыми, пока остальные вскакивали и одевались, выскочили в коридоры и открыли огонь по роботам. Но роботы оказались тяжело вооружены, и атакующих разнесло на кровавые ошметки. Погибло в общей сложности шесть человек, все, кто столкнулся с роботами лицом к лицу.

Остальной личный состав вооружился и вступил в бой, но роботов в темноте не было видно, и огонь пришлось вести наугад, из-за чего центральный коридор и несколько боковых частично разрушены. Потом врубилось освещение, и, похоже, это заставило роботов отступить. Наверное, они ушли, потому что заложенная в них программа оценила, что в узких коридорах при хорошем освещении мы их уничтожим. Короче, мы перегруппировались, вооружились до зубов и начали зачистку бункера, но роботов уже не было. Мы проверили все, вплоть до лифтовой шахты, везде пусто, и лифт стоит внизу, на нашем уровне, а не сверху, как если бы на нем кто-то недавно поднимался.

Один из генералов даже предположил, что никаких роботов не было, и те, кто погиб, стали жертвами галлюцинаций, вызванных побочными эффектами антирада. Они приняли друг друга за каких-то роботов и забросали сами себя гранатами. Тем более что человекообразных боевых роботов не существует ни у нас, ни у НАТО. Гуманоидная форма сама по себе слабофункциональна, стоящие на вооружении боевые роботы и наземные дроны либо колесные, либо четвероногие.

Но сразу выяснилось, что как минимум три человека видели роботов издалека при вспышках взрывов. Это были массивные трехметровые человекообразные фигуры не меньше полутонны весом, целиком замотанные во что-то типа белой мешковины, через которую в районе головной надстройки просвечивали лазерные элементы системы наведения. И это никак не мог быть спецназ в фотохромных комбинезонах, потому что трехметровых людей не существует. Так что это по-любому роботы, других вариантов быть не может.

Генералы поверили не сразу и долго выясняли подробности, которых фактически не было. Короче, они пришли к выводу, что роботы действительно существуют. Это секретная военная разработка, потянуть которую в тайне от ФСБ могло только Министерство Обороны, а внутри него обеспечить такой режим секретности возможность имела только у ГРУ. Отсюда вывод: эти роботы стоят на вооружении спецназа, захватившего «Подземстрой-1». В условиях запредельной радиации и ионизации дистанционное управление невозможно, значит, роботы автономные и действуют по заложенной программе. Захватившие «Подземстрой» головорезы запустили их по нашим следам после того, как не сумели уничтожить нас на марше возле Росрезерва. Судя по рассказам очевидцев, роботов было двое, а нас осталось сорок пять, так что в открытом бою мы их уничтожим запросто. Поэтому они и отступили.

А лифт внизу потому, что роботы, поднявшись, отправили его вниз. Чтобы мы в горячке боя, увидев лифт, рванули наверх преследовать их. Там они нас и перебьют, на выходе. Ударят термобарическими по лифтовой кабине, как только откроются двери. И тот факт, что это роботы, а не живые спецназовцы, подтверждается тем, что роботы, отступая, не тронули нашу самодельную систему вентиляции, установленную возле лифтовой шахты. У них в программе попросту нет такого объекта, как самодельная вентиляция, и роботы ее проигнориро-

вали. Живой спецназ мимо бы не прошел и обязательно уничтожил бы вентиляционное оборудование, чтобы оставить нас без воздуха.

Значит, роботы устроили засаду наверху, в ангаре. Необходимо выбить их оттуда, а еще лучше – уничтожить, потому что здесь мы в ловушке. Если их электронные мозги придут к выводу, что надо взорвать лифтовую шахту, то нас тут похоронит. Аварийное сдохнет через сутки, ЛСУ наверху, и продовольствие, которое мы привезли из Росрезерва, тоже наверху, внутри уцелевшей техники. Так что выбора у нас нет, нужно прорываться наверх.

Бывший спецназовец предложил изготовить ложные цели и отправить их туда на лифте. Если роботы ударят по ним, то сочтут нас уничтоженными. Если после этого они спустятся сюда, мы их перебьем. Если нет, то мы поднимемся наверх при помощи альпинистов и атакуем их внезапно. План был так себе, но выбирать не приходилось. Скоро аварийное иссякнет, и тогда все станет еще тяжелее. Ложные цели наскоро собрали из чего придется, затащили в лифт и отправили наверх. Но ничего с ними не произошло. Лифт простоял там больше часа, потом мы спустили его, загнали туда радиоуправляемый дрон с камерой и снова отправили наверх. Дрон вышел из лифта, канал связи тут же стало забивать помехами, и через минуту он сгорел. Но за это время никаких роботов мы не увидели, и было решено рискнуть.

Спецназовец собрал штурмовую команду, они устроили в лифте баррикаду, чтобы не попасть под прямой удар, и поднялись наверх. Роботов в ангаре не было, только сгоревший дрон и следы здоровенных ног. Я сам видел, когда подключал реактор ЛСУ к внутренней энергосети, отпечаток в полметра длиной...

Пленный опять замолчал, косясь на всех подозревающим взглядом, особенно на Порфирьева. И Овечкин понял, что он ждет, когда кто-нибудь из нас подтвердит уверенность выходцев из бункера ФСБ в том, что роботы-убийцы принадлежат нам.

– Мы не имеем никакого отношения к роботам-убийцам! – заявил Антон, спеша внести ясность. – Мы сами подвергаемся угрозе их атак!

– Помолчи, потом изошьешь душу! – снова оборвал его капитан-мизантроп и прорычал пленному: – Роботы не наши. Не знаю чьи. Есть мнение, что натовцы сбросили их во время обмена ударами. Когда вы планируете возвращаться?

– Куда? – не понял пленный.

– К себе в бункер.

– Никогда, – пленный скривился, похоже, переживая приступ боли. – Нам не на чем сделать это. Транспорта не осталось, а пешком не дойти. Да и жить там невозможно, в бункере нет ни электричества, ни продовольствия.

– Что ж вы не стали вывозить отсюда продукты? – рык Порфирьева был почти не кровадным. – Собрали бы пару прицепов, нагрузились и дотащили. Десяносто километров – это не пятьсот.

– Мы хотели, – подтвердил пленный. – Но роботы помешали. Мы, когда выбрались в ангар и их там не нашли, подключились к реактору ЛСУ и перетащили продукты в бункер. Но продуктов оказалось мало, основной запас был в вездеходе, внутри самоходки и бульдозера много не уместить. Стало ясно, что через неделю снова останемся без продовольствия. А тут еще эти роботы... Непонятно, что они будут делать дальше. Может, ушли в «Подземстрой», чтобы позже вернуться с подкреплением, им ведь теперь известны наши координаты. Если нас заблокируют в каменном мешке без еды и энергии, то даже убивать не придется.

Короче, генералы решили, что нужно организовать еще один конвой в Росрезерв, за продуктами. Отправлять не всех, а половину, чтобы в спецпалатке нормально умещались. Пусть едут на бульдозере с волокушей, туда продукты и погрузят. Мы даже покрывало для нее делали из остатков двух сгоревших баз, чтобы продовольствие меньше облучалось. Пока конвой будет заниматься продуктами, остальные будут охранять бункер и заодно подготовят все вооружение, которое у нас есть. Как только бульдозер вернется, выроем инженерные укрепления

ния вокруг входа, наделаем ловушек и все заминировем. Если противник начнет штурм или попытается тайно проникнуть в бункер еще раз, то мы будем готовы.

Попасть в состав конвоя никто не хотел, с этим начались проблемы, чуть не вспыхнула драка, и генералы даже хотели расстрелять пару самых буйных. Но потом заявили, что сейчас каждый человек на счету, поэтому бывший спецназовец назначается командиром конвоя, ибо больше некому, а остальным разрешается бросить жребий. В итоге в конвой набрали двадцать человек, потому что больше на броне у бульдозера не поместится, ведь на обратном пути волокуша будет занята продовольствием. Без усилителей конечностей такой толпе на броне не удержаться, поэтому весь расчет на штурмовые комплекты.

Пленный криво улыбнулся:

– Мне повезло остаться в бункере, и я был на седьмом небе от счастья. Те, кому не повезло, через два дня отправились в Росрезерв. Вернулись они через четверо суток за пару часов до интоксикации, злые, замученные и без продуктов. Рассказали, что до Росрезерва добирались тяжело, на поверхности уже под минус пятьдесят, снега все больше, бульдозер идет медленно, за один цикл антирада добраться до Росрезерва невозможно. Но это еще не все.

Когда они добрались, оказалось, что въездные ворота взломаны, и запереться изнутри теперь невозможно. Внутри полно следов от роботов, и вряд ли их только двое, скорее, четверо, и это минимум. Наши мины, которые мы ставили у входа, перетасили на середину рва вместе с бетонными обломками, под которыми они были установлены. Сто процентов, это сделал спецназ «Подземстройка», чтобы мы на них же и подорвались. Но к моменту нашего прибытия мины уже сдетонировали, скорее всего из-за сильного холода и под давлением очередного бурана.

Мины внутри, на складских воротах продуктовых хранилищ, почти все оказались нетронуты. Сняты всего три мины: две с продовольственных хранилищ, откуда исчезло не меньше двадцати тонн продуктов и стеллажи, на которых они были размещены. Третью мину сняли с входа в полуразрушенное хранилище матценностей, откуда тоже исчезла часть стеллажей. Еще одна установленная на воротах мина сработала. Возле нее обнаружен труп гражданского в старом скафандре МЧС. Кругом следы роботов, отпечатки подошв штурмовых комплектов и фотохромных комбинезонов. Наиболее вероятно, что гражданский либо подорвался случайно, либо он, будучи пленником, был специально отправлен в качестве одноразового разминирователя, потому что конвойным не хотелось рисковать собственными жизнями и снимать мину самостоятельно.

А еще нам оставили записку. Нацарапали прямо на воротине вскрытого продовольственного хранилища. Там сказано, что они нам не враги, их всего одиннадцать человек, из них только у половины есть оружие, и вообще, они не опасны и не питают к нам агрессии, поэтому мы не должны минировать склады. В «Подземстрое» сильное перенаселение, всего пятьдесят плохо вооруженных военных, остальные – гражданские люди, большинство из них – это женщины с детьми. В продовольствии нуждаются все, поэтому нельзя подвергать хранилища опасности. Мы цивилизованные люди, поэтому можем договориться мирно, и от нас ждут ответа прямо под этим постом.

При этих словах Порфирьев молча обернулся к Овечкину и устремил на него внимательный взгляд, предвещающий очередные проблемы и попутно сообщающий, что асоциальный любитель убивать без суда и следствия подозревает Антона чуть ли не в измене Родине.

– Я должен был предпринять попытку цивилизованного общения! – с достоинством заявил Антон. – Как видишь, не зря! Потому что нас приняли за неадекватных головорезов!

– Ну и как? – издевательски прорычал Порфирьев, поворачиваясь к пленному: – Цивилизованное общение вам помогло?

– Ваша уловка сработала, – усмехнулся тот. – Наши не стали ничего минировать. Они загрузились, переждали интоксикацию и отправились в обратный путь. А на выезде из Росрезерва их поджидали роботы. Они напали на конвой в километре. Спасло то, что волокуша

была набита продуктами, и люди сидели на броне, облепив ее как мухи кусок навоза. Роботов заметили первыми, спешили и открыли огонь. Те ударили в ответ, и волокушу разнесло в огненный пар. По счастливой случайности снова начался буран, и бой захлебнулся. Роботы были вынуждены отступить, наши дождались окончания бурана и оказалось, что потерь нет. Но продовольствие погибло, новое грузить некуда, да и роботы ушли в сторону Росрезерва, поэтому ничего не оставалось, как возвращаться в бункер.

– Это не наши роботы! – запротестовал Антон. – Мы же объяснили! Мы сами неоднократно чуть не погибли, сталкиваясь с ними!

– Может, и не ваши, – пожал плечами пленный, явно не доверяя словам Овечкина ни на грош. – Но нам об этом неизвестно. И в записке о роботах ничего сказано не было.

– Я просто не думал, что об этом нужно упоминать! – поспешил объясниться Антон. – У меня было мало времени...

– Брось, это твоя вечная беда, – зло прорычал Порфирьев. – Ты всегда не думаешь. Или думаешь не то, что стоило бы. А теперь заткнись и дай ему закончить.

Возражать взбешенному головорезу Антон не рискнул, тем более что все вокруг тоже смотрели на Овечкина как на предателя, даже грузчики. К столь дремучей безмозглости окружающих Порфирьева фанатов Антон уже привык, и сюрпризом их реакция для него не стала. Поэтому в целях собственной безопасности лучше стерпеть оскорбления дуболома в погонах. Позже Овечкин найдет нужные аргументы и докажет грузчикам правоту своей позиции. Доказывать что-либо воякам он даже не станет пытаться, потому что это заведомо бессмысленно.

– Короче, продовольствия конвой не привез, – продолжил пленный. – А наших запасов осталось на трое суток. Генералы объявили всеобщий совет, все равно нас осталось едва полроты, все кто откуда...

Обрисовали ситуацию: продовольствия при самом жестком режиме экономии – на неделю. ЛСУ внутри бункера не спустить, снять с нее реактор тоже не в наших силах. Если противник вернется и атакует, в ограниченном подземном пространстве ЛСУ уязвима. Потеряем ее – останемся без энергии. Как ни крути, в бункере у нас одна перспектива: смерть.

Поэтому есть предложение перебраться в Росрезерв, укрепиться там и дать бой «Подземстрою». Раз они написали нам слащавое послание, а как только мы расслабились, атаковали роботами, то уже ясно, что они – преступники, а преступники будут воевать с ФСБ до конца. Поэтому ничего хорошего ждать от них не приходится. Зато раз у них перенаселение и не хватает продовольствия, мы сможем диктовать им условия, если склады будут нашими. Организуем оборону, выкопаем там рвы и окопы, как планировали сделать здесь, и посмотрим, кто кого. Нам терять нечего. Если захватим их конвой, то сможем под видом их головорезов вернуться к «Подземстрою» и проникнуть внутрь. На нашей стороне будет элемент внезапности, так что шансы есть.

Кто-то из курсантов спросил, сможем ли мы выжить на складах, ведь там радиационный фон как на улице. Без антирада можно выжить только внутри базы. Но в итоге все решили, что можно жить и внутри базы, если других вариантов найти не удастся. Это все равно лучше, чем неминуемая смерть, которая нас здесь ждет. Потому что просто возить оттуда сюда продукты «Подземстрой» нам не даст. Это вообще было везение, что их роботы взорвали волокушу с продуктами, а не бульдозер. Иначе бы конвой погиб в полном составе, а у нас шансов стало бы еще меньше. В итоге все приняли решение бороться до последнего, и мы начали подготовку к переселению.

Собрали все оружие, которое только было, облазили выгоревшие помещения, короче, забрали из бункера все, что смогли. Из раздавленной техники в ангаре сделали две крытые волокуши, получилось кое-как, но лучше, чем просто неуклюжее корыто, забивающееся снегом. Через двое суток зарядили под завязку все аккумуляторы, приняли антирад, поставили пару мин на входе в бункер и двинулись в путь. В одну волокушу нагрузили имущество и

вооружение, в другую набились курсанты, человек двадцать. Все остальные разместились на броне, внутри техники поместились только водители и генералы. Так и поехали.

За один цикл антирада прошли меньше половины расстояния. С волокушами постоянно возникали проблемы, они плохо шли по колее и часто утыкались в ее стены. Из-за этого рвались тросы, приходилось останавливаться и заваривать. Бураны били каждые полчаса минут по двадцать, поэтому стояли на месте почти столько же, сколько двигались. Все измотались до предела, а тут еще интоксикация...

Пленный угрюмо покачал головой:

– Как только никто не погиб, не понимаю. Снова давка, мучения, судороги, рвота, вонь и жажда... Слава богу, пока всех корчило интоксикацией, база прогрелась, и заледеневшая вода оттаяла. Обеззараживать ее было уже нечем, поэтому выпили так, от нее вроде не сильно фонило. Пока дожидались следующего цикла антирада, налетел такой ураган, что у палатки посрывало растяжки. Базу шкивало туда-сюда, словно неваляшку, но нами там был забит каждый миллиметр, поэтому перевернуть не смогло, только потолком накрыло. Когда буран стих, поправили кое-как, так и просидели до следующего цикла.

Со второй частью пути повезло. После урагана буранов не было довольно долго, тросы рвались реже, и мы успели доползти до Росрезерва за шесть часов. Отправили разведчиков, но оказалось, что там с тех пор никого не было. Загнали технику, закрыли ворота, подогнали к ним бульдозер изнутри и привязали к нему тросами, чтобы снаружи было не открыть. Начали разворачивать базу и отправили людей за водой и продуктами. Выяснилось, что мины на воротах в хранилища перемерзли, и никто не решается их снимать. Пришлось расстреливать издалека, повезло, что никто не пострадал. От взрывов несколько ворот покосило, а в одном хранилище ворота устояли. Оказалось, что они заперты с самого начала войны, видимо, автоматика их тогда заблокировала, позже никто туда не лазал, а от взрывов они не пострадали. Решили их пока не трогать и вскрыть через сутки, когда времени будет больше. Потом началась интоксикация, и всех снова ломало друг на друге внутри базы.

Когда оклемались, чуть не умерли от страха: снаружи раздался грохот ворот. Кто-то сказал, что это противник пытается проникнуть на склады и открывает ворота, но мы их подперли бульдозером, и створы бьются о его борт. До следующего цикла оставалось полсуток, принимать антирад нельзя, это гарантированная смерть, что делать, никто не знал. Все похватили оружие и залегли, беря вход на прицел. Каждый понимал, что положение смертельное, мы сидим в палатке друг на друге, ничего не видим, даже штурмовые комплекты снаружи сложены. Палатку просто расстреляют вместе со всеми в два счета, роботам это легко. Минут десять пролежали, прощаясь с жизнью, потом стало понятно, что никто в Росрезерв не ломится. На поверхности ураган, запорные устройства ворот «Подземстрой» выломал, поэтому зафиксировать их невозможно, вот и остался свободный ход. Сейчас воротины давлением шевелит, и они бьются о бульдозер. Все выдохнули, но грохало еще полчаса, и каждый удар по нервам, как ножом...

На следующем цикле антирада приступили к тщательному осмотру хранилищ. То, которое удержало мину, долго не получалось вскрыть, а когда вскрыли, оказалось, что там всего одна трещина в потолке, нет снега, почти нет радиации, а тамошние продукты вообще не фонят. Расчеты показали, что там можно жить без антирада, достаточно не снимать скафандр. Генералы заявили, что теперь мы точно выживем, главное сохранить герметичность хранилища. Ворота вновь заперли и наглухо заварили, в воротине прорезали узкую дверь, вокруг нее соорудили тамбур. Усилили его, как только смогли, и начали там жить. В хранилище, если к стенам и воротам не подходить ближе трех метров, действительно было безопасно, пока ты в скафандре. И фильтр не забивался, и обогрев нормально справлялся. Позже мы с техником пробросили туда силовой кабель от ЛСУ и организовали электропитание. Даже внутреннее освещение частично запустили.

– Ты же сказал, что вы все в одной базе живете, – зарычал Порфирьев. – И вам места не хватает.

– Теперь так и есть, – хмуро подтвердил пленный. – Мы соорудили самодельные запоры на въездные ворота в Росрезерв и заперли их на точечную сварку. Так просто не взломаешь. Для надежности установили несколько мин, я для них специально термокожухи собирал, на аккумуляторах. Поставили ЛСУ на прямую наводку, если кто-то начнет взламывать ворота, мы успеем занять позиции и ударим из всех стволов, пока противник будет пытаться пройти узкий вход. У нас даже боевые дроны были, автономные, на колесах, три штуки. Хотели их на круглосуточную охрану ворот поставить, но из-за радиации двое из них сгорели через сутки, а третьего мы отмыли и загнали в безопасное хранилище. Он там изнутри вход охранял, в качестве последней линии обороны.

Он сделал паузу, хмуро поглядел на всех, но уже не столько с подозрением, сколько со смесью неуверенности и беспомощности.

– Через две недели нас атаковали роботы. Как они прошли въездные ворота – неизвестно. Стальные запоры, засов из швеллера, сварка – они все это прошли бесшумно. Все оказалось выломано с мясом, мины раздавлены в лепешку, ни одна не сработала. Все произошло ночью, часовые не спали, но ничего не слышали. Роботов засек дрон, когда они были уже внутри нашего хранилища. Дрон ударил по ним из всех стволов, и роботы ответили. Дрона разнесло на куски, вместе с ним вынесло половину стены, взрывом опрокинуло стеллажи с продуктами и выдавило ворота, потолок в двух местах частично обрушился. Всех контузило, меня ударило падающим стеллажом, и я потерял сознание. Когда очнулся, роботов не было, дозиметр орет сигналом тревоги, на лицевом щитке мигает предупреждение «Опасный уровень радиации! Срочно принять антирад!».

Потом выяснилось, что никто не погиб, дрон спугнул роботов, и они не успели никого убить. Зато они убили единственное безопасное место внутри Росрезерва. С тех пор мы живем внутри спецпалатки. Весь личный состав разбит на четыре смены и несет круглосуточное дежурство. Одна смена под антирадом осуществляет охрану и оборону входа в Росрезерв, вторую ломает интоксикация, третья и четвертая сидят на базе и ждут своей очереди.

С роботами противника надо было срочно что-то делать, пока они нас не перебили, и мы разработали план обороны. Ваш ров, который вы выкопали к входу в Росрезерв, мы зарыли наполовину. Чтобы роботам пришлось искать другой путь. На подходах к Росрезерву мы нарыли окопов, разместили в них огневые точки и выкопали волчью яму. Ее накрыли маскировочной сетью и поставили под удар ЛСУ прямой наводкой. Чтобы ЛСУ не попала под огонь противника, мы загородили ее бульдозером. Он тяжелее, чем она, восемьдесят тонн, полторы тысячи лошадей, должен был запросто ее защитить...

Пленный усмехнулся:

– Так планировалось. Короче, мы двое суток готовили оборону и еле успели. Роботы появились через два часа после того, как мы закончили. Как раз буран начался, под его прикрытием они и атаковали. По ходу дела, видят в этой пылище они не очень хорошо, потому что мы засекли их первыми. Только ветер стих, как часовые орут в эфире, что наблюдают свечение лазерных систем. Все, кто мог, сожрали антирад и бросились в окопы. А дальше все очень быстро произошло.

Роботов оказалось то ли четыре, то ли пять, светящиеся пары лазерных элементов то растворялись в пыли, то появлялись в другом месте, и точно определить не удалось. Сначала они двигались поверху, видимо, искали пропавший ров. Потом один из них спрыгнул в волчью яму. Именно спрыгнул, а не упал. В эфире раздался приказ открыть огонь, и ЛСУ вдарила по нему одновременно лазерным лучом и электромагнитной пушкой. Робота осветило вспышкой, и я хорошо его разглядел.

Рассказчика нервно передернуло, и в его голосе мелькнул суеверный страх:

– В тот миг я подумал, что он живой! Здоровенный трехметровый мужик полтонны весом, в маскировочном костюме из белой мешковины! Даже кроваво-красный отблеск глаз был словно живой! Он смотрел прямо на меня, клянусь! Словно насквозь меня видел, я четко ощутил исходящую от него брезгливость. Как будто я кусок дерьма, а он вынужден на меня наступить, хоть ему и не хочется!

Пленный потряс головой, словно отгоняя наваждение, и поежился:

– Через секунду он уже на меня не смотрел, и глюки пропали. Позже выяснилось, что каждый чувствовал на себе его враждебный взгляд. Ощущения немного отличались, кто-то ощутил ненависть, кто-то брезгливость, кто-то равнодушие. Но все видели, что он их видит! Генералы сказали, что это была атака инфразвуком. Технология еще сырая, только обкатывается, поэтому функционального эффекта не имеет, но боевой дух пошатнуть может.

Короче, робот после попадания исчез в пыли. Может, его испарило лазером, самоходка же тяжелый танк запросто поджигает, как спичечный коробок. Но никаких остатков от него мы не нашли, хотя потом пытались искать. Но в ту минуту всем стало не до него, потому что остальные роботы засекли выстрел и попрыгали в ров. Ближайший из них ударил по нашим позициям чем-то непонятным, и восьмидесятитонный бульдозер разнесло вдребезги, как цветочную вазу. ЛСУ успела выстрелить еще раз, потом ее поразило прямым попаданием, и она вырубилась. Почти сразу наши позиции накрыло то ли серией взрывов, то ли одним большим, я понять не смог. Меня вбило в окоп с такой силой, что без штурмового комплекта точно бы переломало все кости. Мозги внутри черепа так встряхнуло, словно голову раскаленным мечом пробило, и я потерялся, как после нокаута.

Оклемался минут через пять, голова гудит, кругом сплошная стена пыли, темно, эфир орет в уши помехами, ни фиги не понятно. Выглянул из окопа, красных точек не видно, зато в тылу, во въездных воротах, здоровенная дыра и лучи фонарей. Выполз и поковылял туда. Оказалось, что роботы отступили, видимо, из-за потерь. Генералы сказали, что мы уничтожили от двух до трех роботов. Правда, обломков от них никто не нашел, но, может, их просто смешало с обломками бульдозера, и мы не смогли отличить одно от другого. У нас уничтожено четыре огневые точки, людей порвало вместе с окопами, откуда они вели огонь. Остались только застывшие кровавые брызги, горелые ошметки скафандров и оплавленные обломки экзоскелетов вперемешку с обугленным грунтом.

По самоходке, предположительно, ударили кумулятивным, потому что экипаж выжгло до состояния трухи, но пробоина почему-то оказалась размером с баскетбольный мяч. Непонятно, почему броня не выдержала, но в этом заключалось наше везение. Через дыру раскаленные газы, испепелившие экипаж, выплеснулись наружу и температура внутри самоходки упала быстро. Реактор не пострадал, но системы управления вооружением уничтожены. Электромагнитная пушка умерла, из лазерного орудия теоретически еще можно выстрелить, но только на глаз, потому что аппаратура наведения и прицеливания выгорела. Ходовая часть получила необратимые повреждения, починить ее можно только в заводских условиях. Я видел на складах контейнеры с автоматическим токарно-фрезерным комплексом. Наверное, его можно попробовать развернуть и запустить, но это ничего не даст, у нас никто никогда не строил лазерные установки, это секретное изделие. И чтобы организовать ремонт, необходимо загнать ЛСУ в ангар. Темнота, холод, пыль, бураны – снаружи мы не сможем использовать оборудование. Даже развернуть не сможем. Но внутрь самоходку не затащить, она шестьдесят тонн весит, а техники у нас больше нет. Так что деваться из Росрезерва нам некуда.

Пленный криво усмехнулся:

– Генералы заявили, что победа осталась за нами, потому что «Подземстрой» не знает, что ЛСУ почти что сдохла, и там поняли, что взять нас штурмом не смогут. Но у них еще осталось два или три робота, поэтому нельзя исключать, что они могут повторить попытку. Поэтому мы должны быть готовы отбить следующую атаку. Мы вручную развернули орудие

точно по оси рва, чтобы уничтожить любую цель, которая попытается приблизиться к въездным воротам, и генералы назначили на самоходку новый экипаж. Мужики, которые получили назначение, аж офигели. Многообещающая перспектива, учитывая, что предыдущий экипаж погиб, успев сделать ровно два выстрела. Но кроме них больше никого не осталось, кто мог управлять ЛСУ, так что выбора у мужиков не было...

Он вновь скривился:

– Его сейчас ни у кого нет. Мы вручную насыпали вокруг самоходки защитный вал из грунта, чтобы экипажу стало хоть немного спокойней, и с тех пор несем в окопах круглосуточное дежурство. Генералы старые, им всем за шестьдесят, от антирада они еле дышат, поэтому в состав смен не входят. Остальные разбиты на три смены по девять человек, в четвертой восемь. Сперва в ней было десять человек, она была самая большая, но позавчера один умер во время интоксикации, а вчера умер еще один. Теперь она самая маленькая. А если меня вычесть, то даже еще меньше. Наверное, туда переведут кого-нибудь...

Пленный на секунду умолк, посмотрел на всех со смесью угрюмости и беспомощности, и закончил:

– В день начала войны в бункере было триста семьдесят семь человек. На сегодня осталось тридцать восемь. Сколько еще мы проживем, постоянно сидя на антираде, никто не знает. Всеобщим собранием было решено, что безропотно умирать мы не собираемся. Если «Подземстрой» атакует опять – будем драться. А если они надеются взять нас измором, то рано радуются. Мы заминировали потолки всех хранилищ, изготовили из боеприпасов горючие средства и подготовили все к поджогу. Если нас перебьют в ходе штурма или подохнем от антирада, последние, кто будет оставаться в живых, активируют мины и зажигалки. Все, что не сгорит, завалит обрушением. Противник не получит ничего. Поэтому мы держим оборону и живем, пока можем. Если вдруг «Подземстрой» выйдет на связь, то условие у нас одно: преступники складывают оружие и сдаются представителям законной власти. «Подземстрой» переходит под управление ФСБ. Не устраивает – подохнем все. Нам терять нечего. Нас убьет антирад, их – голод. Все поняли, что инфа про перенаселение и истощение биоферм не была дезой. Иначе бы «Подземстрой» не рвался бы в Росрезерв любой ценой.

– Это чудовищное недоразумение... – начал было Овечкин, но Порфирьев обжог его злобным взглядом. Пришлось замолчать, чтобы не накликать на себя проблем.

– Где находятся средства инициации подрыва? – спросил Варяг.

– В пяти разных местах, взорвать можно из любого. И еще три кнопки, по одной у каждого из генералов, – пленный болезненно сглотнул и потянулся к фляге с водой.

Он сделал несколько глотков и с опаской посмотрел на молчащего Порфирьева, разглядывающего его задумчивым взглядом:

– Я все рассказал. Если есть вопросы – готов ответить. Нарисую план расположения мин и точек инициации взрыва. Покажу, где установлены ловушки и огневые точки. В обмен на сотрудничество прошу забрать меня с собой в «Подземстрой». Я инженер-механик, могу быть полезен. Готов помочь с лифтом и с любым другим оборудованием, с которым сумею справиться. У меня есть опыт...

– А как же «драться до последнего»? А как же твои боевые товарищи? – зловеще перебил его амбал-мизантроп. – Ты так просто бросишь их на произвол судьбы?

– Они мне не товарищи, – сумрачно возразил пленный. – Они все профессиональные ФСБ-шники, оперативные и руководящие работники, а я – «пиджак», вечный старлей на должности инженера. Я ФСБ-шник сугубо по названию. До войны мне постоянно ставили это в упрек, хотя один на один я из них любого порву! Война сделала их моими товарищами по несчастью автоматически, моего мнения никто не спрашивал. Я не хочу воевать! Ни с вами, ни с вашими роботами, вообще ни с кем! Я просто хочу выжить и готов платить за это своими

способностями, не собираюсь быть нахлебником. Если ваш лифт можно починить в принципе, я сделаю это!

– Роботы не наши, – злобно напомнил ему Порфирьев. – Тебе контузия дала осложнение на слух? А выжить сейчас все хотят, не ты один.

В этот момент Антон отчетливо понял, что этот пленник есть его шанс. Шанс избавиться от экспедиций! Он ведь ради спасения готов на любые условия! Сам рвется! И он инженер-механик, да еще с опытом работы не с системами связи, которые совсем не близки всевозможным лифтам-погрузчикам, а непосредственно с подобными механизмами! Его профиль идеально подходит в качестве Инженера, входящего в состав экспедиции! И он не просто не станет отказываться, а еще будет умолять взять его на место Овечкина! Эту карту необходимо разыграть! Жизненно необходимо! Другого шанса может не представиться никогда!

– Олег! – Антон придал своему голосу максимум тактичности и убедительности. – Это интересное предложение. Нам пригодится квалифицированная помощь, если с лифтом возникнут проблемы. Ради общего выживания я готов работать с любым оборудованием, но ты же знаешь, я специалист по системам связи. Всего на свете могу не знать. Мы могли бы использовать навыки этого человека, раз это его специализация.

– Если будет себя хорошо вести, то обязательно! – издевательски заявил Порфирьев. – Вот доживем до следующего цикла антирада и посмотрим, чего он стоит. А пока всем отдыхать! Хам! Свяжи-ка его еще раз. Несильно. Для поддержания дисциплины, чтобы не вытворил чего лишнего. А то он «пиджак», а мы профессиональные военные, вдруг нас он тоже невзлюбил, как своих сослуживцев.

Лейтенант, ухмыляясь, принялся стреноживать по рукам и ногам понурившегося пленного, все остальные разошлись по своим местам. До окончания перерыва между циклами антирада Порфирьев дважды подходил к пленному и что-то тихо выяснял у него на тему подробностей устроенной ФСБ-шниками обороны. Тот охотно отвечал, но сам капитан-мизантроп ничего конкретного не сказал. Солдаты тоже помалкивали, но по их косым взглядам Овечкин понял, что они осуждают поступок пленного и не питают к нему ни малейшего снисхождения. Впрочем, чего еще ожидать от военных дуболомов. Логику и здравый смысл им заменяют приказы начальства и мантры круговой поруки. Любой, кто не вписывается в рамки их безмозглой серой массы, без вариантов становится изгоем. Очень знакомая ситуация! Антон реально сочувствует этому бедолаге, потому что на себе испытал все прелести круговой поруки военной хунты. Его, высококлассного уникального специалиста, инженера-механика, затирают локтями только потому, что он не один из них.

На всякий случай Антон отозвал Порфирьева в угол базы и тихо попытался изложить массу аргументов на тему полезности пленного, но амбал не стал его слушать. Прорычал, мол, посмотрим. И велел Овечкину отдыхать перед предстоящим циклом, потому что он будет не из легких. К своей лежанке Антон возвращался в смешанных чувствах. С одной стороны, Порфирьев решил лезть в уничтоженный бункер, и это чревато всеобщей гибелью. С другой – чтобы пленный доказал свою состоятельность, без спуска в бункер не обойтись. То есть это в интересах Овечкина. Но ведь капитан-мизантроп не согласится взять с собой вниз только пленного, оставив Антона здесь. Он потащит с собой обоих, а у Антона дурацкий скафандр МЧС, который не спасет его от запредельной радиации! Он рискует погибнуть! Пленный экипирован гораздо лучше, ему проще! Как бы так убедить мизантропа, чтобы он не тащил вниз Овечкина?!

* * *

– Антирад принять! – прорычал Порфирьев, и Антон принялся жевать противную горечь армейской химии, спасающую весь организм ценой убийства его половины.

Привыкнуть к отвратному вкусу антирада для человека с тонкой душевной организацией было нереально, зато установка таймера обратного отсчета времени, оставшегося до интоксикации, давно уже вошла в привычку. Антон запустил таймер практически машинально и поправил висящую на грязной перевязи многострадальную руку. После очередной перевязки, проведенной амбалом-мизантропом, пальцы слабо ныли тупой болью, но теперь хоть перчатка была полноценно застегнута. Порфирьев подогнал удерживающие пальцы шины под размер пальцев перчатки и надел ее Антону на больную руку. Для надежности прямо на перчатку была наложена внешняя шина, и получившаяся в результате замотанная донельзя замызганным бинтом культя выбивала Овечкина из колеи своим жутким видом. Приходилось успокаивать себя, что с рукой все будет хорошо, как только он вернется в «Подземстрой», то получит всю необходимую медицинскую помощь как с рукой, так и с легкими, першение в которых усилилось.

– Саня, бери грузчиков и сворачивай базу, – Порфирьев стоял возле выхода и разговаривал с пожарным. – Если мы здесь задержимся, то займись тренировками: сверните и разверните базу раза три-четыре, пусть люди отрабатывают навыки.

Он перевел взгляд на молодого техника и сделал жест лейтенанту:

– Володя! Возьмешь двоих бойцов и наверх, проверь транспорт. Хам, охраняешь пленного. Ноги ему развяжи, руки свяжи спереди. Если разрежет веревку без разрешения, можешь сломать ему ногу или шею, как захочешь. Но только аккуратно, его скафандр нам еще пригодится.

– Я не буду создавать проблемы, я готов сотрудничать, – хмуро пробурчал пленный, но асоциальный брутал не обратил на него никакого внимания.

– Остальные – за мной! – приказал амбал. – Идем к лифту! Овен! Действуй!

Антон с трудом спрятал тоскливый вздох и побрел к выходу, косясь на пленного. У него скафандр лучше и руки целы...

Снаружи базы стояла крошечная темнота, и луч нашлемного фонаря освещал свежие сугробы из черного снега. За ночь помещение покрылось снежным слоем, уровень радиации увеличился, и Антон искал встревоженным взглядом стальные тросы, по которым все спускались в пролом с поверхности. К счастью, тросы все так же свисали сверху. Наверху они были привязаны к технике, значит, транспорт по крайней мере не унесло буранами, и Антон не останется здесь навсегда. Если не застрянет навеки в уничтоженном бункере!

Добравшись до панели управления лифтом, Овечкин несколько секунд светил на толстые экранированные кнопки, разбираясь в их назначении. Порфирьев с остальными стоял позади и молча ждал результатов. Антон опасливо потрогал ногой пол лифтовой кабины, убеждаясь, что она не рухнет, если на нее встать, и зашел внутрь. Кабины, как таковой, не было, стены и потолок отсутствовали, имелась только обширная лифтовая платформа с невысокими ограждениями решетчатого типа. Судя по размерам, на ней перемещали достаточно тяжелую технику: грузовики или автобусы, может быть, даже тракторы. От веса нескольких человек она упасть не должна, но кто знает, что произошло с ней под воздействием многочисленных сотрясений почвы.

Убедившись, что успеваешь выскочить, Овечкин вдавил кнопку движения вниз и опростелтел вылетел из лифта, едва не поскользнувшись на припорошенной грязным снегом поверхности. Ничего не произошло, и в эфире зазвучал подчеркнуто задумчивый рык Порфирьева:

– Это и есть инженерный подход к делу? Надо будет оформить себе вторую ставку. Буду Инженером.

– Я должен был проверить! – заявил Антон, осторожно возвращаясь обратно в лифт.

Несколько минут он тщетно терзал кнопки на внутренней панели управления, потом отыскал внешнюю и попытался запустить лифт с нее. Все попытки оказались безрезультатными, и Овечкин принялся изучать окружающее пространство в поисках какой-нибудь двери,

за которой могли бы находиться лифтовые механизмы. Ничего обнаружить не удавалось, потом подал голос пленный:

– Основная лифтовая механика расположена внизу. Это военный объект глубокого заложения, в случае войны по нему будут наноситься удары, поэтому на поверхности не монтируется ничего важного. Все рассчитано для того, чтобы можно было выбраться снизу наверх, а не наоборот. Если лифт не запускается, значит, сдохло питание. Там были автономные генераторы или аккумуляторная сборка?

– Генераторы, – ответил Порфирьев. – Безмасляные, на дизельном топливе. Мозг рассказывал, что они заправили их соляркой с запасом. Система должна была вырубиться автоматически, если лифт долго стоит без движения. Все топливо выработаться не могло. Может, солярка замерзла?

– Если там полтора километра, – возразил пленный, – то температура должна быть градусов шесть-семь выше нуля. Это в нормальных условиях. Сейчас на поверхности градусов на тридцать ниже нормы. Даже если внизу зависимость такая же, то там сейчас где-то минус двадцать. Топливо для стратегических объектов готовили с учетом возникновения экстремальных обстоятельств, замерзнуть оно при таких температурах не должно.

– Там зимняя солярка, меня предупреждали, – подтвердил Порфирьев.

– Думаю, разрядились пусковые аккумуляторы, – заявил Овечкин. – Поэтому нет сигнала на запуск генераторов, на стартерные узлы не подается питание. Нужно найти шину токопровода, врезаться в нее и подать питание извне. По идее, должно хватить аккумулятора от наших машин, но я не знаю, каково сопротивление самой шины на такой глубине.

– Шины нет, – произнес пленный. – Подключиться к питанию можно только снизу.

– Как это нет? – Антон выразил удивление. – Пульты управления есть, а шины нет? Как же тогда конструкторы планировали запустить лифт с поверхности в экстренных обстоятельствах?

– Никак, – пленный принялся объяснять: – Если это стратегический бункер, то служба в нем несется круглосуточно. Все, кому положено в нем находиться, к моменту возникновения экстренных обстоятельств будут внутри в любом случае. Если им потребуется подняться наверх, они сделают это снизу. С поверхности лифт активировать некому, только диверсионным подразделениям противника.

– А как же спасательная операция? – возразил Овечкин. – Если людей придется извлекать с полуторакилометровой глубины, а лифт запустить невозможно?

– Если шахта лифта не повреждена, а в бункере уцелел хоть кто-то, то лифт активируют снизу, – ответил пленный. – Есть боевые транквилизаторы, автономные дроны, системы дистанционного управления – короче, запустить лифт снизу способов хватает. Лишь бы он был в рабочем состоянии. А если лифт поврежден или шахту засыпало, то можно запустить его с поверхности или нет – какая разница? Спасателям все равно придется прокапываться вниз через завалы и обрушения. Тогда уж проще подойти к объекту по спецметру. Оно сейчас к каждому бункеру подведено, кроме тех, которые рассекречены или сняты с вооружения. Даже если оно где-то обрушилось, все равно прокапываться горизонтально легче, чем вертикально...

– То есть отсюда мы лифт не запустим, так? – оборвал его Порфирьев.

– Так! – ответил Антон одновременно с пленным. В свете выяснившихся обстоятельств Овечкин поспешил поддержать его, чтобы безмозглый истукан в капитанских погонах оставил уже наконец свою навязчивую идею умереть в мучениях в уничтоженном бункере, по совместительству являющемся эпицентром термоядерного взрыва.

– Что нужно сделать, чтобы лифт заработал? – спросил амбал. Антон сразу даже затруднился определить, с чем у Порфирьева хуже: с мозгами или со слухом.

– Спуститься вниз и запустить его оттуда, нет? – Овечкин не смог отказать себе в иронии.

– Тех! – Асоциальный брутал вызвал в эфире молодого техника. – Я Варяг, прием!

– Тех на связи! – сквозь сильное шипение помех откликнулся Владимир. – Олег, с транспортом все нормально, был сильный ураган, одну растяжку оборвало, в смысле, якорь выкорчевало, но остальные удержались! Мы уже прокопали проход к аккумуляторным отсекам, аккумуляторы сразу устанавливать?

– Нам надо спустить Овечкина на дно лифтовой шахты, – прорычал Порфирьев. – Сколько у нас есть тросов и веревок? Всего в длину, если связать воедино?

При этих словах Антон похолодел от страха.

– Не знаю... – Владимир на мгновение задумался. – Метров триста, наверное... это если с лебедкой считать. А сколько нужно?

– Этого хватит, – угрожающе изрек мизантроп-маньяк. – Спустим, насколько можно, дальше прыгнет. Неси все сюда!

– Олег! – Антон панически попятился. – Ты чего?! Там полтора километра! Это же шутка, да?! Ты ведь несерьезно?! – Он заозирался, пытаясь понять, куда бежать.

– Наверх! – издевательски-маниакальным тоном подсказал Порфирьев: – И подальше в пустошь! Там мы тебя не найдем! Только там ты будешь в безопасности!

– Я... – Овечкин поперхнулся. – Я все понял! Беру свои слова обратно! Признаю, моя ирония была излишней! – Он в ужасе отступал от надвигающегося на него расплывчатого силуэта: – Необходимо изготовить подвесную систему на двух-трех человек, их можно спустить вниз на лебедке! Можно использовать для этого лебедку нашего вездехода, нужно только проверить ее тщательным образом, чтобы не отказала посреди спуска! Но нам нужен надежный трос длиной в глубину шахты плюс метров двадцать-тридцать запаса! Его можно изготовить в Центре, если найдем материалы!

– Я вас услышал! – рык Порфирьева передразнил любимую фразу Брилёва.

– Варяг – Теху! – эфир вновь зашипел. – Так собирать тросы или нет?

– Пока отбой! – язвительно прорычал мизантроп, и Антон понял, что Порфирьев находится уже где-то не рядом. Луч наשלменного фонаря вместо расплывчатого здорового бугая упирался в пыльную темноту, бросая мутные отсветы на покрытые глубокими трещинами грязные бетонные стены. От схлынувшего нервного напряжения в легких опять запершило, и Овечкин закашлялся.

Дальше гнобить Антона Порфирьев не стал, и экспедиция принялась грузиться на транспорт. Подниматься по тросу с одной рукой Овечкин не мог, и его вытянули через пролом на грузовой подвеске от контейнера со спецпалаткой. На поверхности Антона подхватили солдаты в экзоскелетах и аккуратно поставили на ноги. Действовали они осторожно, но от Антона не укрылись их насмешливые взгляды. Не приходилось сомневаться, что младшим дуболомам понравилось, как старший дуболом унизил гражданского.

Издеваться над Инженером солдаты не решились, но, видимо, им очень хотелось продемонстрировать свою значимость хотя бы кому-нибудь, и они отыгрались на пленном. Бедолагу поднимали из пролома последним и подвесную систему для него готовили демонстративно долго. Не приходилось сомневаться, что несчастный изрядно перенервничал, оставаясь один, под землей, в кромешной тьме и со связанными руками. Итогом всего этого театра абсурда стало то, что колонна начала движение спустя сорок минут после начала цикла антирада, хотя обычно на это уходило двадцать. Едва отошли от места стоянки на пару километров, начался сильный буран. Пришлось еще двадцать минут медленно ползти против ветра в обратную сторону. За иллюминаторами царило сплошное месиво из бурлящей черной снежной грязи, видимость ограничивалась ровно самим иллюминатором, и Антон искренне надеялся, что колонна не окажется над входом в уничтоженный бункер и не рухнет под землю.

Когда буран внезапно прекратился, и колонна продолжила движение, было уже три тридцать ночи сто одиннадцатых суток после катастрофы и до следующей интоксикации оставалось шесть с половиной часов. Если бы не кашель, то Антон считал бы ситуацию достаточно

удачной: ему не пришлось рисковать жизнью ни спускаясь в уничтоженный бункер, ни занимаясь погрузкой в Росрезерве, в который в любую минуту могли ворваться роботы или конкуренты. Да, продовольствие оказалось в чужих руках, но теперь это не его проблема. Пусть силовики договариваются друг с другом сами, тем более что сделать это несложно, учитывая, что конфронтация началась из-за роботов. Как в этой ситуации поведет себя Брилёв, конечно, большой вопрос, но больше Антона заботило главное: в лице пленного у него появился шанс избавиться от экспедиций.

Он даже хотел поговорить с пленником и подробно все ему объяснить, но лейтенант не позволил Овечкину сделать это. Пленного посадили в вездеход, чем усилили и без того жуткую давку, и Хам бдительно следил, чтобы несчастный ни с кем не общался и ничего не слышал. Ему даже рацию переключили только на аварийную частоту и запретили касаться настроек. Бедняга всю дорогу сидел в неудобной позе, стиснутый с двух сторон солдатами в экзокорсетах, и прислушивался к скудным разговорам, иногда возникающим среди грузчиков. От монотонной езды Антона начало клонить в сон, и неожиданная остановка застала его врасплох.

– Что случилось? – он бросил взгляд на хронометр. Они ехали всего час. Может, Порфирьев опять налетел на какое-нибудь препятствие... – Почему мы остановились?

– Всем соблюдать радиомолчание! – вместо ответа зарычал капитан сквозь треск помех. – Мы в полукилометре от противника! Гражданским в эфир без команды не выходить! Военным переключиться на защищенный канал!

В первую секунду Антон сильно испугался, решив, что где-то поблизости находятся роботы-убийцы. Но Порфирьев вылез из кабины, втиснулся в забитый людьми пассажирский отсек, и ситуация прояснилась.

– Хам, распредели людей и смотрите в оба! – Капитан разговаривал с лейтенантом напрямую, без радиосвязи, и Антону приходилось напрягать слух, чтобы ничего не пропустить из своего угла. – Я схожу, осмотрюсь. Надо проверить показания пленного, пока есть возможность. Все освещение вырубить и до моего возвращения не включать. Я выйду в эфир, когда буду недалеко.

– Может, возьмешь с собой кого-нибудь для страховки? – переспросил лейтенант. – Прикроем огнем, если что-то пойдет не так! Их там десяток только в окопах! И еще человек двадцать выбежит, если начнется стрельба! Там снега по пояс, быстро не пройти, а они по твоим следам побегут, можешь не уйти!

– Одному сподручнее, – Порфирьев покачал головой. – Тут главное скрытность, без фотохромного комбинезона будет только хуже. Дождусь ветра и пройду везде незамеченным. Если не вернусь через четыре часа, уезжайте.

В этот момент Антон понял, что колонна остановилась неподалеку от Росрезерва, и капитан собрался на разведку.

– Олег! – Овечкин повысил голос, чтобы не нарушать приказ о радиомолчании. – Ты же уже был там! Зачем рисковать? Мы могли бы вернуться в Центр и подготовить полноценную экспедицию с официальными полномочиями, которая проведет переговоры!

– Могу выдать тебе все официальные полномочия прямо сейчас, – устало прорычал Порфирьев. – Будешь нашим переговорщиком. Сходишь, поговоришь с ними, объяснишь, что роботы не наши и, вообще, мы друг другу не враги. Продолжишь диалог, начатый виртуально.

– Лучше не надо, – мрачно произнес пленный, переводя взгляд с Варяга на Овечкина: – По нему начнут стрелять, как только увидят! Все ждут вашей следующей атаки. Переговоры лучше начинать по радиосвязи...

– Тем более! – авторитетно заявил Порфирьев. – Овечкин у нас профессионал в области радиосвязи! Подойдет, на сколько потребуется, выйдет в эфир и все объяснит!

– Я не это имел в виду! – поспешно воскликнул Антон. Попасть в руки отчаявшихся вояк, вооруженных до зубов и приготовившихся стрелять в каждого, он совершенно не собирался.

Рация цепляет метров на двадцать, его сразу же найдут! Они могут убить его или использовать в качестве заложника, что одно и то же, потому что для военной хунты его жизнь ничего не значит! – Просто переживаю за твою безопасность! Это лишнее облучение, и в любой момент могут появиться роботы!

– Саныч с Техом доведут колонну до Центра в случае чего, – вяло отмахнулся Порфирьев. – Можешь перестать бояться, отсюда они дорогу знают. А теперь не мешай мне работать.

Капитан потерял интерес к Овечкину, обернулся к лейтенанту и кивнул на мрачно насупившегося пленного:

– Если он не врет, то из рва они не выходят. А если врет, и они проводят патрулирование, то ближе подходить нельзя, могут заметить. Видимость там никакая, но кто знает, как далеко патрули отходят от ворот. Учитывая, в каком они состоянии, скорее всего, откроют огонь без предупреждения. Поэтому, если буран придет со стороны Росрезерва, и вам придется смещаться ему навстречу, то у вас есть запас метров в триста-четырееста. В любом случае после бурана вернитесь на это место, я буду искать вас здесь. Все, ставь таймер на четыре часа, я пошел.

Расплывчатый силуэт капитана вылез из вездехода и растворился в пылевом мраке, пронизанном жестоким холодом и смертельной радиацией. Лейтенант распределил людей по иллюминаторам, организовав круговое наблюдение, и приказал экипажам грузовиков сделать то же самое. Кто-то из военных сменил за рулем грузовика молодого техника, и тот занял водительское кресло вместо Порфирьева. На этом приготовления закончились, и внутри набитого битком вездехода повисло напряженное молчание. Минут двадцать Овечкин всматривался то в один, то в другой иллюминатор, ожидая появления за бортом либо зловещих красных отсветов лазерных систем наведения роботов-убийц, либо каких-нибудь силуэтов вооруженных солдат в штурмовых комплектах. Но пылевой мрак радиоактивной ночи был непроницаем, и не приходилось сомневаться, что заметить приближение убийц можно только тогда, когда будет уже поздно.

Удар внезапно начавшегося бурана застал Антона врасплох, и он чуть не заорал от страха, решив, что роботы уничтожают вездеход. Овечкин подскочил и дернулся к выходу, но протиснуться через плотную толпу людей было невозможно, и он был вынужден остановиться.

– Антон? – сидящий перед ним грузчик от неожиданности привстал. – Что с тобой? Тебе плохо? Снова кашель? Дать воды?

Он завожился, пытаясь в тесноте извлечь из экранированного подсумка флягу.

– Нет, спасибо! – Овечкин понял, что опасности нет, это всего лишь буран бьет в борт потоками снежной грязи, заледеневшего крошева и мелких камней. – Я в порядке, уже прошло! Нас сносит бураном, придется двигаться!

Он еще не успел договорить, как холостой вой вездехода сменился на натужный, и машина принялась разворачиваться на месте мордой к бурану. Вездеход немного накренило передней частью к земле, видимо, сработало фронтальное антикрыло, которое команда умников Миронова смонтировала над передним бампером у каждой из машин. В походном положении антикрыло было подпружинено и откинута на корпус, чтобы не выпирать за габариты бампера и не сломаться в случае столкновения с препятствием, которых в обугленной ночной пыли полно. Как только машина оказывалась мордой к бурану, срабатывал механический датчик давления, изготовленный мегамозгами вручную, и под действием мощного ветра антикрыло разворачивало само себя в рабочее положение, заставляя воздушные массы прижимать технику к земле, а не наоборот. Эта модернизация сильно упростила борьбу за выживание во время буранов, увеличив устойчивость. Без нее вездеход часто сносило, и нередко это заканчивалось либо с окончанием бурана, либо когда машина упиралась в какое-нибудь невидимое препятствие, рискуя порвать кожу воздушной подушки.

Полезность нововведения отрицать не приходилось, но сам факт того, что оно было введено командой Миронова, сильно раздражал. Потому что это Антон первым предложил идею с саморазворачивающимся антикрылом, после того как Порфирьев потребовал повысить устойчивость машины во время буранов. Овечкин предложил вариант спойлера на задней части кузова по аналогии с гоночными болидами и указал на свое оригинальное инженерное решение, примененное в кожухе для ретранслятора, который закрывал сам себя под давлением мощного ветра. Идею у Антона, как всегда, украли и присвоили себе. Мегамозги произвели расчеты и предложили другой вариант антикрыла и иное место его крепления. Да, они переработали систему саморазвертывания, но сам ее принцип остался тот же! Антон его первым предложил! И даже воплотил в кожухе для ретранслятора! Но все лавры достались команде Миронова. Конечно, а как же еще! Они же военные, а Овечкин – гражданский!

Антон закашлялся и с сожалением посмотрел на угрюмо потупившегося пленного. У этого человека знакомые проблемы. Но нет худа без добра, для Овечкина это шанс.

– Овен! – Лейтенант окликнул Антона напрямую, без эфира, повысив голос. – У тебя проблемы? Нужны медикаменты?

– Пока не надо, – прокашлялся Овечкин. – Хотел спросить: зачем Варяг пошел на разведку? Он же там уже был, и пленный нам все рассказал, его слова подтвердили то, что рассказывал сам Олег!

– Надо проверить его показания, – Хам повторил слова Порфирьева. – Они по любому подняли тревогу, когда у них человек пропал. Могли изменить оборону или еще что. Варяг свое дело знает лучше всех, раз пошел, значит, так надо!

От подобного ответа Овечкин мысленно закрыл лицо рукой. Офигеть! Дуболом-лейтенант сам толком не понимает, зачем и для чего ушел дуболом-капитан, и просто повторяет за ним слово в слово, даже не пытаясь использовать мозг! Антон сделал голос громче, чтобы все гарантированно услышали:

– Но что от этого изменится? Даже если они переделали свою оборону, какая разница?! Напряженность между нами возникла в результате чудовищного недоразумения, виной которому явились роботы-убийцы! Мы тут ни при чем! Нам нужно как можно скорее вернуться в Центр, выработать конструктивную позицию и отправить к сотрудникам ФСБ переговорщиков! Нам есть что предложить друг другу! Наверняка в Центре найдется место для сорока человек, даже в коридоре жить лучше, чем медленная смерть от антирада! С продуктами из Росрезерва мы выживем все! И у них есть Лазерная Самоходная Установка, мы можем использовать ее ядерный реактор для своих нужд, и не придется рисковать жизнями, спускаясь в эпицентр термоядерного взрыва, в котором находятся остатки бункера Брилёва.

– ЛСУ не может двигаться, – хмуро напомнил пленный. – Ей ходовую часть разнесло ударом роботов. Без завода и специалистов это не починить.

– Не согласен! – возразил Овечкин. – Не исключаю, что починить ее мы не сможем. Но мы можем снять с нее ядерный реактор и увезти в «Подземстрой»! Уверен, его можно демонтировать! Если потребуется, мы можем просто вырезать его оттуда!

– Он двадцать тонн весит, – пленный неуверенно посмотрел на Антона. – У вас есть чем его поднять и погрузить?

Такой информации Овечкин не ожидал. В ядерных реакторах он не разбирался, тем более в секретных военных. Наверняка мегамозги Миронова знают больше, потому что они уверенно и бодро занимаются реактором «Подземстрой», но возможности имеющейся у Центра техники Антон, как Инженер ЭК, знал хорошо. Подобной грузоподъемности у нас не имелось, но все уже смотрели на Овечкина с заинтересованностью, и пришлось срочно искать аргументы.

– Такой грузоподъемности нет, – заявил он, – но я вижу варианты, которые могут способствовать решению этой проблемы! Например, мы можем попытаться модернизировать путепрокладчик! Это не точно, нужно провести серьезные расчеты, но шансы есть!

– Путепрокладчик дизельный, – Хам поморщился. – А солярка закончилась. То есть в КП Брилёва лезть все равно придется. Мы не можем отказаться от реактора ЛСУ и шестидесяти тонн топлива хоть вместе, хоть по отдельности. Это даст нам мощные возможности для выживания. Разве нет?

Все с хмурыми лицами поддержали лейтенанта, и спорить стало контрпродуктивно. Если безмозглому фан-клубу асоциального брутала хочется лезть в эпицентр ядерного взрыва, то Антон уже устал доказывать очевидное. Он не будет им мешать, пусть делают, что хотят, главное, чтобы не тащили с собой на смерть его! Овечкин поспешил аккуратно перевести разговор в другое русло, но лейтенант заявил, что разговоры необходимо прекратить и продолжать наблюдение. За кем он собрался наблюдать во время бурана, когда ничего не видно дальше иллюминатора, Хам не сказал. Антон хотел было задать этот вопрос погромче, но не стал настраивать против себя вояк. Пусть играют в свой театр абсурда, лишь бы оставили в покое. Овечкин, как мог, размял затекшую спину, кое-как принял на неудобном сиденье новую позу и попытался заснуть.

Но уснуть в скрюченном положении, когда у тебя все кости ломит, а шея буквально отваливается, не так просто. Пока он стоически терпел страдания, буран прекратился, как всегда, внезапно, и вездеход начал осторожно разворачиваться. Грузовиков в иллюминаторах видно не было, и кто-то из грузчиков предположил, что во время бурана техника могла разъехаться в разные стороны и потеряться. Потому что ходовые огни были выключены, и водители не видели друг друга. Но лейтенант заявил, что сейчас каждая машина вернется на свое место в точку, в которой Варяг оставил колонну, и мы вновь соберемся вместе. Потому что теперь пройденный курс фиксируется при помощи гирокомпаса, и водителям нужно лишь проехать обратно по своим следам.

Закончилось это тем, что в кромешной ночной пыли два грузовика столкнулись друг с другом прямо на той самой точке. К счастью, скорость была маленькой, и никаких поломок не произошло. Военные вышли наружу, осмотрели машины и сообщили, что все ограничилось парой несерьезных вмятин. Звуки далекой стрельбы, доносящейся со стороны Росрезерва, все слышали прямо в тот момент, когда солдаты залезали внутрь вездехода.

– Слышите?! – Антон напрягся, прислушиваясь. – Там стреляют! Что-то случилось! Это роботы?!

– Роботы бьют чем-то тяжелым, это не они... – лейтенант замер прямо в дверях. – Гражданским занять свои места! Соблюдать радиомолчание! Следите за пленным! Десанту – к машине! Радиообмен на третьем канале!

Солдаты выскочили обратно наружу, и люк захлопнулся. Овечкин лихорадочно заозирался, бросая испуганные взгляды в разные иллюминаторы, но без освещения в пыльном мраке не было видно ничего. Несколько грузчиков, находящихся ближе всех к пленному, сильно напряглись, схватили какой придется инструмент, лишь бы потяжелее, и принялись буравить его враждебными взорами. Пленный набылся еще сильнее и предпочел не делать резких движений. Несколько минут все напряженно ждали развития событий, и Антон с ужасом понял, что звуки стрельбы стали звучать ближе.

Внезапно распахнувшийся люк заставил его подпрыгнуть от неожиданности. В вездеход запрыгнула пара солдат в штурмовых комплектах, и от перенапряжения Овечкин не сразу определил, свои это или чужие. От внезапного выброса адреналина у него похолодело внутри, но солдаты бросились занимать свои сиденья, и он судорожно выдохнул, нервно содрогаюсь. Следом за солдатами появился Хам, прямо за ним в вездеход ввалился здоровенный расплывчатый силуэт, и Антон услышал голос Порфирьева.

– Мы внутри! – похоже, капитан говорил на армейской частоте. – Включай габариты и вперед на среднем ходу! – Порфирьев переключился на гражданскую частоту, и его рычание заглушило шипение помех: – Саныч! Мы начали движение! Держитесь за нами, прожекторы не включать, только габариты! Отойдем на километр, там стоп, я пересею за руль!

Вездеход тронулся с места, набирая скорость, и Антон попытался заметить погоню в иллюминаторах. Разглядеть что-либо было невозможно, не было видно даже огней идущих позади грузовиков, и оставалось надеяться, что водители из кабин видят лучше, и машины не потеряются в пыльном радиоактивном мраке.

– Варяг, ты в порядке? – Лейтенант пытался осмотреть поверхность капитанского снаряжения на предмет повреждений, но фотохромный комбинезон пытался слиться с сиденьем, и ему пришлось включить фонарик. – Тебя не зацепило?

– Порядок, – зарычал в ответ Порфирьев. – Они наугад долбили. Заметили обезвреженного часового в углу ангара, когда свет починили, нашли следы возле ворот и рванули за мной по колее. Мы вовремя ушли, еще минута, и могли попасть под шальные пули.

– Ты что, заходил внутрь? – изумился лейтенант. – Как они тебя не засекли?!

– Я во время бурана заходил, – объяснил капитан. – Пришлось ползти на карачках, ветер сильный, на поверхности бы унесло на хрен, но внутри рва не так давит, двигаться можно, если осторожно. Потому что не видно ни хрена. Они поняли, что их инженера мы выкрали. Поставили охрану сразу за воротами, а перед ними снаружи понатыкали сигналок. Но во время бурана все это не помогает. Пару растяжек я зацепил, остальные уже были оборваны, ураганом сорвало.

– Как только не подорвался! – Лейтенант покачал головой, глядя на Порфирьева то ли как на великого, то ли как на ненормального. Скорее, и то и другое.

– Сигнальные мины срабатывали, но вспышек в сплошном черном месиве почти не видно, – лениво отмахнулся Варяг. – Боевых они ставить не рискнули, я сразу был в этом уверен. За бортом минус пятьдесят два, под бураном до минус пятидесяти шести, и давление в несколько раз больше, чем человек наступит. Все взрывается самопроизвольно, так недолго самих себя убить.

– Все мины были использованы в хранилищах, – буркнул пленный. – Я не вру!

– Насчет хранилищ подтвердилось, – согласился капитан. – Там все заминировано в два слоя.

– Как ты сумел попасть внутрь? – продолжал удивляться лейтенант.

– Добрался до ЛСУ по памяти, – капитан поморщился, явно вспоминая процесс, давший ему с большим трудом. – Перебил силовой кабель, по которому они подают внутрь питание. Они остались без освещения, приоткрыли ворота, и кто-то попытался добраться до самоходки по кабелю, потому что из окопов ее просто не видно. Во время бурана вообще толком ничего не видно, и помехи в эфире до небес. В окопах так и не поняли, что свет вырубило, они из-за помех не принимали эфир. В общем, пока ворота были приоткрыты, я пролез внутрь. Чуть не попался, вышел прямо на мужика с фонарем, который ремонтника страховал. Пришлось нейтрализовать и оттащить в темноту. Он не ожидал, не успел понять, что произошло.

– Он не поднял тревогу? – лейтенант удивленно выпучил глаза. – Даже в эфире?

– Говорю же – не успел, – терпеливо вздохнул Порфирьев. – Им там всем нехорошо. Думаю, от антирада плющит. Это же дрянь конченная, а они на нем сколько сидят.

Хам понимающе переглянулся со своими солдатами, и те, ухмыляясь, мол, способности Варяга всем хорошо известны, многозначительно посмотрели на пленного. Типа, тот тоже не успел. Пленный насутился еще сильнее и пробурчал:

– Я не знал, что движением со скоростью удара можно попасть иглой в стык пластин штурмового комплекта! В темноте и пыли! И на морозе в перчатках!

– Он тоже чего-то не знал, – философски заключил лейтенант, перевел взгляд на Варяга и поинтересовался: – Боец тот, с фонарем, отбегался?

– Отнесут внутрь базы, полежит часок и оклемается, – безразлично ответил тот. – Я не стал никого убивать. Если придется договариваться, то это было бы плохим началом. Но времени на реакцию было в обрез, так что миндальничать с ним я тоже не мог. Надо было успеть провести разведку, пока буран не закончился, а кто знает точное время? Он же не предупреждает, когда прекратится. Пришлось пошевеливаться.

– Варяг! – в эфире зашипел голос Теха, занявшего место за рулем вездехода вместо Порфирьева. – Километр пройден! Я останавливаюсь?

– Да, – капитан скользнул к выходу, его силуэт вновь размазался. – Пересаживаемся!

Порфирьев занял место за рулем, и колонна пошла быстрее. Минут сорок удавалось двигаться со скоростью шестьдесят километров в час, потом опять начался буран, и пришлось останавливаться. На этот раз с буранами не повезло, они налетали еще трижды, и к моменту окончания цикла антирада пройти удалось всего сто пятьдесят километров. До «Подземстроя» оставалось еще триста двадцать, и Антон уныло отметил, что из-за этой по-военному тупой и бессмысленной выходки Порфирьева у них есть все шансы не добраться до Центра еще за один переход. К постоянно ноющим сломанным пальцам и провоцирующему кашель першению в легких добавится еще один прием антирада, и Антон всеми фибрами души ощущает, что его многострадальное здоровье находится на грани.

Словно в подтверждение его мыслей, эта интоксикация далась Антону очень тяжело. Мучения были реально неописуемые, и, если бы не адаптация, он наверняка умер бы просто от боли, настолько она была жестока. К счастью, на этот раз хотя бы обошлось без роботов. Сутки прошли относительно спокойно, хотя поначалу ему пришлось сильно понервничать. Потому что у пленного сперва долго не заканчивалась интоксикация, а потом он еще дольше не просыпался. И Антон всерьез переживал, что из-за чрезмерного употребления антирада пленный умрет, не проснувшись, как умер генерал, который хотел убить Давида. Без пленного шансы Овечкина избавиться от участия в экспедициях мало чем отличались от нуля, и Антон даже попросил Порфирьева, чтобы тот поставил пленному капельницу от Снегирёвой, которая предназначалась для Овечкина.

К сожалению, оказалось, что капельниц больше нет, их количество было строго рассчитано, и все они уже опустошены. Пришлось надеяться на лучшее. Хотя все оценили столь благородный жест Антона, и даже Порфирьев посмотрел на него в тот момент не то чтобы с уважением, этого от асоциального мизантропа не дождешься, но с одобрением уж точно. В итоге фортуна оказалась на его стороне, и пленный выжил. Он долго приходил в себя, жалуясь на тошноту и сильное головокружение, но Антон отпоил его водой и сообщил, что в «Подземстрое» всех ждет квалифицированная медицинская помощь. И хотя имеющийся в нашем распоряжении врач не настолько опытен, как бы хотелось, но с интоксикацией и ее последствиями она справляется профессионально.

В десять утра сто двенадцатых суток все приняли антирад, свернули базу и продолжили путь. Потом начались странности. Порфирьев гнал через непроницаемую пылевую ночь на огромной скорости, иногда чуть ли не под восемьдесят, и все реально сидели, съевшись в ожидании столкновения. Потому что черных обломков, торчащих из-под черного снега было полно, все прекрасно помнили первые поездки, когда вездеход налетал на препятствия постоянно. Но тогда скорость в самые лучшие моменты едва превышала тридцать километров в час, а сейчас за семьдесят, и столкновение обещает быть катастрофическим, даже несмотря на высочайшие стандарты безопасности современной техники.

Даже лейтенант, являющийся ярым фанатом Порфирьева, явственно ощутил звонок инстинкта самосохранения и задал мизантропу вопрос, не рискуем ли мы разбиться. Потому что на такой скорости при видимости в двадцать метров Порфирьев едет почти вслепую,

потому что семьдесят два километра в час это уже двадцать метров в секунду. На что капитан ответил, что разгоняется только на тех участках местности, в которых уверен, на остальных отрезках держит скорость менее двадцати метров в секунду, чтобы успеть среагировать. И вообще, пока штиль, он тестирует возможность движения на высоких скоростях вслепую. Потому что в идеале экспедиция должна проходить расстояние от Центра до Росрезерва за один цикл антирада, чтобы минимально подвергать облучению себя и продукты. Но это путь в четыреста семьдесят километров, и чтобы пройти его за семь часов, нужно двигаться со скоростью минимум семьдесят километров в час. А лучше еще быстрее, потому что будут задержки из-за буранов.

От этого объяснения Антон пришел в ужас. А потом пришел в ужас второй раз, когда понял, что всех данное объяснение устроило. Никто не сомневался в непогрешимости Порфирьева, а лейтенант даже заявил, что раз Варяг так поступает, значит, уверен в себе и в маршруте. Ведь Порфириев проходил его много раз и знает безопасный путь наизусть.

То, что они ни во что не врезались, иначе чем чудом назвать было нельзя. Долго так продолжаться не могло, и всех спасло то, что Тех с Саньчем не смогли долго удерживать такую скорость в условиях фактически отсутствия видимости. Они начинали отставать, и Порфириев был вынужден прекращать гонки со смертью. Антон даже во всеуслышание заявил, что длительное движение в таком ключе невозможно, потому что у остальных водителей недостаточно опыта, плюс в полной загрузке транспорт либо не сможет развить столь высокую скорость, либо будет иметь слишком большую инерцию. В случае столкновения все может закончиться гибелью груза, транспорта или даже людей.

Точку в этой истории поставил буран. Ураганный ветер заставил колонну прекратить движение, а после его окончания Порфириев не ускорился свыше шестидесяти километров в час. Следующие четыре часа ветра не было вообще, и Антон уже начал надеяться, что вернется в «Подземстрой» раньше срока впервые за все время существования экспедиций. Настроение заметно поднялось, он принялся обдумывать аргументы, которыми будет оперировать, как только появится возможность поговорить с Порфириевым на тему пленного.

Они не доехали до «Подземстрой» каких-то двадцати километров. Удар урагана был внезапным и настолько мощным, что вездеход не удержался на курсе, его сорвало воздушным тараном, закрутило и чуть не опрокинуло. Порфириев проорал в нещадно гремящий помехами эфир, чтобы грузовики останавливались, кто где находится, и сдували воздушную подушку. Сам он вырубил подушку прямо в момент неконтролируемого осевого вращения, вездеход рухнул на снег и зарылся в черную толщу и с жутким скрежетом пропахал колею в десяток метров. Всех тряхнуло так, что Антон снова прикусил в кровь язык и чуть не получил сотрясение мозга. Вездеход замер в накренинном состоянии, наполовину зарывшись в черный зольный снег, и угрожающе вздрагивал под особенно мощными порывами урагана. Связи с остальными грузовиками не было, и Овечкин отчаянно надеялся, что зловещий скрежет не означал необратимую поломку вездехода. Умереть в двадцати километрах от убежища было бы в высшей степени несправедливо, особенно по отношению к нему, человеку, заботящемуся о семье и потому выстрадавшему больше других.

Ураган не заканчивался катастрофически долго, вездеход занесло черным снегом целиком, и понять, что происходит, стало невозможно. За час до интоксикации рев разъяренных воздушных масс стал тише, и Порфириев попытался выбраться из кабины наружу, чтобы оценить обстановку. Но открыть дверь ему не удалось, и он отправил на разведку солдат в штурмовых комплектах. Те использовали усилители конечностей и вдвоем сумели распахнуть задний люк, выдавливая его створкой несколько центнеров снега, под которым был погребен вездеход. Наружу солдатам пришлось прокапываться, и достичь поверхности им удалось не сразу. Выяснилось, что ветер еще бушует, но сам ураган уменьшился до бурана средней силы.

Двигаться в таких условиях было можно, но сразу возникли две проблемы: система нагнетания воздушной подушки не запускалась и не было связи с грузовиками. Понять, где они и что с ними, оказалось невозможно.

– Если буран не закончится через полчаса, – Порфирьев так и не смог выбраться из кабины и потому говорил в ближнем эфире. Из-за этого его рычание было едва слышно в диком треске помех. – То придется идти на передозировку.

– Но у нас еще останется немного времени... – убито промямлил Антон, удрученный перспективой травить антирадом и без того еле живой организм. – Тридцать минут плюс индивидуальное время каждого до собственной интоксикации... Мы можем успеть добраться до Центра...

– Воздушная подушка не работает, ее придется ремонтировать. – В голосе Порфирьева звучали нотки досады. – Наверное, повредили винты нагнетателей... Хрен его знает, сколько времени на это уйдет. Мы даже не знаем точно, что чинить.

От осознания трагичности ситуации Антон подавленно молчал, не находя слов, но тут подал голос пленный:

– Можно прокопаться под днище и посмотреть, что там. Это сэкономит время.

Предложение показалось Овечкину абсурдным, и он возразил:

– Если вездеход оседет, то людей, которые будут находиться под днищем, придавит.

– Мы сейчас накрены, – не отступал пленный. – Значит, добраться до днища будет легче. Нужно установить опору под приподнятый борт, чтобы машина не осела в случае чего. Мы можем использовать контейнер с базой. Я готов заняться ремонтом! Тем более что у вашего инженера сломана рука.

– Валяй, – разрешил Порфирьев. – Хам, подстрахуйте его, чтобы не убили. И выкопайте меня, если сможете.

Пленный задвигал предплечьями, и Антон увидел, как интегрированная во внутреннюю сторону рукава скафандра малозаметная режущая кромка разрезает грязную веревку пут. Пленный избавился от оков, всем своим видом демонстрируя, что мог сделать это в любую минуту, но не сделал, потому он не враг. Солдаты один за другим выбрались из полумрака вездехода во мрак черного снега, пленный полез следом, и люк закрылся. Минут двадцать они копались в снежной грязи, обмениваясь фразами в эфире, но понять смысл разговоров из-за сильных помех было сложно. Кто-то из солдат прокопался к водительской двери, помог освободиться Порфирьеву и бойцу, сидящему на месте штурмана. В итоге копошащихся под вездеходом людей стало шестеро, и работы пошли быстрее. Еще через пятнадцать минут военные выволокли из вездехода контейнер с базой и утащили в черноту снежного плена.

Антон, конечно же, оказался прав. Как только подкоп под днищем вездехода оказался достаточно широким, машина осела. Это вызвало обрушение норы, которую выкопали ремонтники, а сами они оказались погребены под вездеходом. Спасло то, что ящик с базой к тому моменту уже был установлен под борт машины, и их не раздавило, а только накрыло вездеходом. Порфирьев велел кому-то выкапываться, остальные продолжили углублять яму под днищем.

Потом истекли все сроки, и пришлось пойти на передозировку. Антон жевал капсулу с антирадом, словно ампулу с цианистым калием, и от нервного перенапряжения его опять начал душить сухой кашель. Так продолжалось больше часа, потом переговоры ремонтников стало слышно лучше. Порфирьев заявил, что, раз эфир очистился, значит, буран закончился.

– Овен! – рычал капитан. – Бери грузчиков и выкапывайтесь на поверхность! Выходите осторожно, без резких движений! Не хватало еще одного оседания. Как окажешься наверху, начинай вызывать Теха с Санычем. Если они ответят, а я не услышу, зайди за мной!

Выкапываться на поверхность оказалось неожиданно долго. Вездеход зарылся в снег более чем на метр, и еще столько же, если не больше, составляла толщина снежного холма,

образовавшегося над вездеходом. Рыть снежную золу приходилось руками, все лопаты забрали ремонтники, и Антон велел грузчикам использовать ножи. На поверхность удалось выбраться только минут через двадцать, и в пыльном ночном океане Овечкин не сразу понял, что прорытая грузчиками нора осталась позади, и снега вокруг всего по пояс. Под снегом оказалось теплее, чем на поверхности, обогрев скафандра стал проседать, и Антона охватил озноб. Стуча зубами, он отправил грузчиков откапывать вездеход снаружи, и повысил голос:

– Тех, Саныч, ответьте Овену! Тех, Саныч – Овену!

Овечкин тщательно вслушивался в шипение помех, но ему никто не отвечал. Он потратил на это минут двадцать, после чего голоса ремонтников зазвучали громче, и Антон прислушался к оживившемуся радиообмену.

– Нашел! – сообщал пленный. – Вот здесь винт вырвало! Похоже, обломок уперся в лопасти, и их выдрало на фиг с мясом! Тут надо все разбирать, чтобы починить! Но если есть инструмент и есть чем заменить лопнувшую втулку, то можно попробовать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.